

На правах рукописи

Рвачева Ольга Владимировна

**ВОЗРОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА НА ЮГЕ РОССИИ В СОВЕТСКИЙ
ПЕРИОД (СЕРЕДИНА 1920-х – НАЧАЛО 1940-х ГГ.)
И В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1990-Е – 2000-Е ГГ.):
ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Волгоград 2022

Работа выполнена на кафедре истории и международных отношений
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Научный консультант:

Тюменцев Игорь Олегович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», профессор кафедры истории и международных отношений (совместитель) ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Официальные оппоненты:

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург);

Венков Андрей Вадимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией казачества Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (г. Ростов-на-Дону);

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов).

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет» (г. Оренбург).

Защита состоится «23» декабря 2022 г. в 13 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета 24.2.320.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Кубанского государственного университета. E-mail: dissovet.fismo@kubsu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета. Электронная версия автореферата размещена на сайте ВАК при Минобрнауки России: <http://vak.ed.gov.ru>. Диссертация и автореферат размещены на сайте Кубанского государственного университета: <http://www.kubsu.ru>

Автореферат разослан «__» сентября 2022 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф.

А.В. Баранов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В советский и постсоветский периоды XX – начала XXI в. казачество оказывалось активным участником процессов в стране в периоды масштабных кризисов, приводящих к системной трансформации и модернизации всех элементов государственного и общественного строя. В результате взаимодействия социальной общности с властью и деятельности самих казаков, происходило возрождение казачества в советской и постсоветской социально-политических системах. Проведение сравнительно-исторического анализа возрождения казачества в контексте взаимодействия власти и социальной группы в различные периоды позволит глубже понять феномен такого взаимодействия, выявить как специфику, так и закономерности возрождения. Комплексный анализ участия казачества в российских социально-политических процессах в XX – начале XXI в. позволит раскрыть социокультурную эволюцию казачества, выявить сохранившиеся культурные элементы, оценить степень их изменений.

Участие казачества в современной российской общественной системе, взаимодействие казаков и власти требуют установить причины возрождения казачества в конце XX в., сравнить данный процесс с предыдущими, когда также происходило восстановление казачества, разворачивался его диалог с властью. Такой подход позволит выявить закономерности казачьего возрождения в различные исторические периоды, сравнить его результаты в советский и постсоветский периоды, а также определить перспективы развития казачества в начале XXI в.

В теоретико-методологическом плане важным представляется исследование тех изменений, которые происходили в казачестве под влиянием системной трансформации и модернизации, развернувшихся в стране после кризиса и распада Российской империи, установления советской власти и, затем, после распада СССР и формирования постсоветского государства.

Для выявления социокультурной специфики казачества в различные периоды XX – начала XXI в. и его комплексного изучения в условиях исторических изменений целесообразно определять казачество как социальную общность, обладающую рядом устойчивых признаков. В числе таковых: пространственно-территориальный признак, наличие устойчивых социальных связей, в том числе семейно-бытовых, культурных, производственных, религиозных. Такой подход позволяет проанализировать социокультурные элементы, с помощью которых общность воссоздавала или сохраняла свою идентичность, выявить причины, по которым воссоздавались именно эти элементы, дополнить научные представления о социокультурных трансформациях и социокультурном конструировании, а также расширить научное знание о развитии казачества в истории.

Степень изученности проблемы. В исследованиях по новейшей истории казачества выделяются два крупных блока работ по историческим периодам середины 1920-х – начала 1940-х гг. и 1990-х – конца 2000-х гг. Оба блока объединены темой участия казачества в социально-политических и экономических про-

цессах юга России. В первом сконцентрированы исследования по истории казачества в период социалистической модернизации, во втором – работы, в которых анализируются проблемы возрождения казачества в конце XX – начале XXI в.

Подробный анализ развития историографии по теме представлен в разделе 1.3 первой главы диссертационного исследования, а во введении обозначаются основные тенденции историографии.

Работы второй половины 1920-х–1930-х гг. посвящены социально-политическим и экономическим процессам с участием казачества. Они были основаны на результатах социально-экономических обследований казачьих станиц и носят преимущественно очерковый характер. В 1940-е–1950-е гг. наблюдается пробел в историографии участия казачества в социалистическом строительстве. В 1960-х–1970-х гг. расширяется круг вопросов по истории казачества советского периода. Сюда входит участие казаков в социалистическом строительстве, осуществление новой экономической политики, а затем – коллективизации в казачьих районах. Впервые в фокусе внимания оказывается политика государства 1924–1926 гг., получившая название «лицом к казачеству». Однако в советский период изучались прежде всего, масштабные социально-экономические процессы (НЭП, коллективизация) и казачество как самостоятельный субъект этих процессов практически не исследуется.

В 1980-х гг., внимание историков сосредотачивается на истории казачества периода Октябрьской революции и Гражданской войны, активизируется интерес к теме социалистического строительства на казачьих территориях. Новым направлением становится изучение участия казаков в Великой Отечественной войне. В 1990-х – 2000-х гг. разрабатываются новые темы, посвященные казачьему повстанческому движению, политике рассказывания, проблеме казачьего коллаборационизма, социальным протестам и антисоветским выступлениям 1930-х гг. По мере усиления процесса возрождения казачества, появляются исследования, связанные с его проблематикой. Однако здесь преобладают философские, социологические и политологические исследования. Работы по истории возрождения появляются не ранее середины 1990-х гг., к этому времени уже стало возможным определить основные проблемы и заняться их системным изучением. В 1990-х – 2000-х гг. появились исследования истории казачьего самоуправления и попыток его возрождения в современных условиях, политических и конфликтогенных аспектов казачьего возрождения, выделился блок методологических вопросов изучения процесса.

Вместе с тем большинство работ по постсоветскому периоду возрождения казачества посвящались какому-либо отдельному вопросу. Чаще всего это было участие казаков в политическом развитии российского государства, встраивание его в систему государственной службы. Таким образом, комплексно, с анализом различных сторон и элементов, казачье возрождение в советский и постсоветский период ещё не рассматривалось.

Объект исследования – казачество в условиях социально-политических и экономических кризисов, системных социальных трансформаций и модернизаций XX – начала XXI в.

Предмет исследования: сходства и различия возрождения казачества на юге России в советский период (середина 1920-х – начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.).

Хронологические рамки исследования. Общие хронологические границы диссертационного исследования определяются серединой 1920-х – концом 2000-х гг. В этих границах выделены два периода, в рамках которых происходили процессы, определяемые как возрождение казачества. Первый период – середина 1920-х – начало 1940-х гг. Второй период – 1990-е – конец 2000-х гг. Начальная граница первого периода отражает начало политики «лицом к казачеству», развивавшейся в рамках партийного курса на активизацию работы с крестьянством, принятого в 1924 г. XIII съездом ВКП(б). Конечная граница первого периода обусловлена наличием казачьих военных соединений в Красной Армии, проведением политики власти по использованию военно-патриотического потенциала казачества и его активным участием в Великой Отечественной войне. Начало второго периода определено 1990 г. Это создание первой организации всероссийского масштаба – Союза казаков. Конечная граница второго периода определена 2008 г. К этому времени были приняты Закон о государственной службе казачества (2005 г.) и Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества (2008 г.). Принятие этих документов завершило процесс встраивания казачества в социальную систему российского общества и формирование его организационно-управленческих структур.

Таким образом, в диссертации сравниваются два самостоятельных процесса возрождения, сложившихся и развивавшихся в различных исторических условиях. Для каждого из них характерны не только временные границы, но и определенный набор элементов социальной общности, факторы и внешние воздействия, влиявшие на её развитие.

Географические рамки исследования. Диссертационное исследование основано на материалах по истории казачества юга России. Это обусловлено следующими обстоятельствами. На юге России расположены территории четырех казачьих сообществ – астраханского, донского, терского и кубанского. Три казачьих сообщества являются наиболее многочисленными и старейшими. К числу таковых относятся донское, терское и кубанское казачество. Массовое участие казачества на стороне антибольшевистских сил в период Гражданской войны обусловило принятие большевистской властью особых мер по вовлечению казачества в процессы социалистического строительства. Политика «Лицом к казачеству», проводимая во второй половине 1920-х гг., наиболее последовательно реализовывалась именно на юге России, так как здесь вследствие компактного расселения казачество составляло значительную часть сельского населения и требовало к себе наряду с крестьянством пристального внимания.

В конце XX в. процессы возрождения наиболее мощно развернулись именно на юге России, так как здесь сохранились крупные ареалы компактного проживания казачества. Также здесь более ярко и отчетливо, нежели чем в других регионах, проявился политический, этнический и культурный характер возрожде-

ния. Таким образом, исследование процесса возрождения казачества на юге России позволяет выявить и изучить ведущие тенденции данного феномена и его многообразные проявления.

Цель диссертационного исследования – выявить сходства и различия возрождения казачества как исторического феномена на юге России в советский период (середина 1920-х – начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.), охарактеризовать основные элементы и раскрыть значение возрождения для социокультурных процессов российского государства и казачьего общества.

Задачи диссертационного исследования:

1. Охарактеризовать методологические, источниковедческие и историографические аспекты темы исследования для определения её теоретической основы.

2. Определить характер влияния политики власти по вовлечению казачества в советское строительство на развитие данной социальной общности и выявить специфику и результаты интеграционно-адаптационных процессов в казачьей среде юга России.

3. Раскрыть эволюцию военной службы казачества в советской системе и значение данного института для вовлечения казачества в новые общественные и политические отношения.

4. Установить факторы, идеологические инструменты и социокультурные ресурсы формирования нового образа советского казачества, используемые государством, и оценить результаты данного процесса в контексте восстановления казачества в общественной системе.

5. Выявить характер деятельности ключевых акторов возрождения казачества в 1990-х – конце 2000-х гг., транслируемые ими идеи и тенденции возрождения.

6. Определить факторы и ресурсы казачьего возрождения конца XX – начала XXI вв., их роль и значение.

7. Раскрыть формы социальных и хозяйственных практик современного казачества, степень соотношения традиций и новаций в них.

Теоретико-методологическая основа исследования. Исследование основано на принципах объективности, системности и историзма. В соответствии с данными принципами история казачества в советский и постсоветский периоды рассматривается как закономерный процесс. Происходившие с данной социальной общностью изменения анализируются с учетом исторического контекста, во взаимосвязи с другими социальными и политическими явлениями и процессами. Идеологические и политические оценки казачества рассматриваются как часть процесса возрождения.

В работе применены общеисторические методы исследования, такие как историко-хронологический, историко-генетический и историко-сравнительный. Данные методы позволили выстроить хронологию событий и выделить периоды и этапы процесса возрождения казачества. В связи с тем, что сравниваются два периода, использование историко-генетического метода позволило определить их взаимосвязь, а также оценить процесс возрождения в контексте развития конкретно-исторических ситуаций, выявить причинно-следственные связи между

политикой власти в отношении казачества и действиями социальной общности, а также объективными социальными и политическими процессами, происходившими в стране в данный исторический период. Историко-сравнительный метод¹ позволил установить сходства и различия двух периодов возрождения казачества в политической системе советского и российского государства, определить закономерности и особенности развития данного процесса.

В качестве методологического инструментария также использовались следующие теории: теория системной трансформации, теория модернизации, теория социокультурного конструирования. Теорию трансформации рассматривают как одну из составных частей теории социального развития и в целом общей социальной теории. Она получила развитие в работе К. Поланьи «Великая трансформация»². Трансформация понимается как качественное изменение содержания объекта. Применительно к социальной системе речь идет об изменении как структуры в целом, так и взаимосвязей между ее элементами³. Теория трансформации рассматривается как составная часть теории модернизации. Одной из основополагающих работ по исследованию институциональной и культурной специфики модернизационных процессов является работа Ш. Эйзенштадта «Современная сцена: множественность модернизаций»⁴.

Применение данных концепций при изучении возрождения позволяет определить причины формирования государственной политики в отношении конкретной социальной общности и характер действия казачества как социальной общности. Функционирование социальной системы проявляется в поведении ее акторов, движении ресурсов, действии институтов. Социальные взаимодействия в зоне трансформации сопровождаются изменениями параметров состояния социальной системы, изменяются характеристики ресурсов, институтов, технологий, стратегий поведения акторов, участвующих в социальных взаимодействиях. Применение данных теоретических положений позволяет с большей точностью проводить историческую реконструкцию возрождения и его научный анализ.

В рамках теории трансформации исследование изменений институционального устройства общества сопрягается с анализом изменений социального поведения (появление новых организаций, изменение состава участников действия и т.д.). Важным является комплексная оценка стратегии поведения основных акторов в условиях институциональных и ресурсных перемен⁵. Применительно к исследованию социально-исторического процесса это означает, что решающую роль приобретает способность социальных субъектов реагировать на внутренние

¹ Mahoney J. Comparative-Historical Methodology // Annual Review of Sociology. Palo Alto, 2004. Vol. 30. P. 81–101.

² Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

³ Мартынов А.В. Трансформация макросоциальных систем в постсоциалистическом мире. Методологический аспект. М., 2006. С. 53.

⁴ Eisenstadt S. The Contemporary Scene – Multiple Modernities // The Annals of the International Institute of Sociology. Leiden, 2000. Vol. 7. P. 99.

⁵ Мартынов А.В. Указ соч. С. 57.

и внешние вызовы, а также формирование адаптационно мобилизационных технологий¹. Таким образом, теория системной трансформации позволяет провести системный анализ поведения казачества с точки зрения адаптации общности на изменяющиеся условия, более полно и точно оценить историческую ситуацию.

Теория социокультурного конструирования в самом общем виде объясняет взаимовлияние человека и социальной реальности и создание новых форм этой реальности. Ее авторы, П. Бергер и Т. Лукман, отмечают, что ключевой мыслью их концепции является то, что реальность постоянно конструируется и необходимо исследовать процессы, посредством которых это происходит². Наиболее продуктивным применением методологии социального конструирования оказывается при исследовании кризисов социальных систем, их изменений, создания новых институтов и общественных отношений. Особенно эффективно использовать данную концепцию при исследовании явлений, имеющих прерывистую историческую природу, разорванные культурные связи, развивающихся в условиях кризиса и трансформации социокультурных систем.

Ещё одна концепция, которая является методологической основой диссертационного исследования, это концепция изобретения традиции Э. Хобсбаума³. То или иное сообщество нередко изобретает ритуалы и традиции, придавая им исторический характер. Такое конструирование прошлого играет важную роль для формирования идентичности группы, а также помогает обрести устойчивость в условиях глобальных перемен. Концепция изобретения традиций позволяет успешно раскрывать характер процессов возрождения казачества, развернувшихся в конце XX в. в условиях прерывания трансляции культуры и размывания сохранившихся характеристик традиционной культуры казаков.

Также для анализа возрождения казачества в конце XX – начале XXI вв. важным является применение концепции коллективной памяти и её составной части – исторической памяти. Основоположителем данной концепции является М. Хальбвакс⁴. В настоящее время разработанные им положения о функционировании коллективной памяти получили развитие в большом количестве трудов по изучению коллективной памяти, исторической памяти, местам памяти, коммеморации, травмы памяти, политики памяти и пр.

Обширный методологический инструментарий исследования позволяет выявлять и анализировать новые области в представленной теме, а также существенно дополнять и развивать существующие в исследовательском поле проблемы по данной теме.

Источниковая база. Источниковую базу исследования составили неопубликованные документы следующих архивов. По периоду середины 1920-х – начала 1940-х гг. это преимущественно документы партийно-советских органов, отражающих политику в отношении казачества в Северо-Кавказском и Азово-Черноморском краях, Сталинградской области, Астраханской области. Данные

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 9.

³ Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge, 1992.

⁴ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

документы сосредоточены в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Волгоградской области (ГАВО), Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО), Государственного архива Ростовской области (ГАРО), Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). Также привлекались документы из Архива Управления ФСБ по Волгоградской области, отражающих политические настроения казачества в связи с проводимой политикой в отношении него.

Архивные документы, содержащие информацию по периоду возрождения казачества в конце XX – начале XXI века содержатся в фондах ГАРФ (фонд 10144 «Общероссийская общественная организация «Союз казаков»), ГАКК (фонд Р-1843. «Всекубанское казачье войско»), ЦДНИВО (фонд 13322 «Общественно-патриотическая организация «Волгоградский округ Донских казаков»; фонд 485 «Зацарицынский округ Донских казаков»), ГАРО (фонд Р-4485 «Союз казачьих войск России и Зарубежья»). Часть документов этих архивных фондов впервые вводится в оборот.

В работе также использовались опубликованные документы. Из наиболее значимых сборников таких документов следует назвать «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939»¹, «Государственные акты по вопросам российского и донского казачества» в 2 томах².

Значительную часть источникового корпуса составляют материалы печатных СМИ. По периоду середины 1920-х – начала 1940-х гг. это газеты «Правда», «Известия», «Молот», «Сталинградская правда». По периоду 1990-х – 2000-х гг. это «Казачий круг», журнал «Казачи».

В исследовании использовались материалы из личного архива автора, собранные методом включенного наблюдения во время присутствия на Больших кругах, казачьих сходах.

Выявленные источники позволили всесторонне исследовать процесс возрождения казачества.

Новизна диссертационного исследования.

1. Впервые активное участие казачества в политических, социальных, культурных процессах советского и постсоветского исторических периодов Российского государства рассмотрено в сравнении. Выделены исторические периоды социокультурного развития казачества, когда процессы, происходившие в данной социальной общности, определявшие ее развитие и характеристики, можно трактовать как возрождение. Возрождение казачества в советский и постсоветский периоды определяется как результат системного кризиса, трансформации и

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5-ти т. 1927–1939. М., 1999–2006.

² Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. В 2-х т. Ростов н/Д, 2001.

модернизации. В ходе перестройки общественно-политической системы казачество восстановило и актуализировало свое присутствие в социальных и политических процессах Российского государства.

2. Дано авторское определение возрождения казачества. Возрождение трактуется как становление казачества как социальной общности в определенных исторических условиях советского и постсоветского общества, сопровождающееся трансформацией и конструированием важнейших элементов казачьей социокультурной системы. Основой возрождения служат исторические культурные образцы, которые адаптируются к современным условиям существования социальной общности.

3. В контексте возрождения как процесса становления социальной общности, уточнено представление о взаимодействии власти и казачества в новейшей истории России. Определено участие власти и социальной общности как акторов возрожденческого процесса, сделан сравнительный анализ характера их участия в разные периоды возрождения. Доказано, что в советский период, в связи с необходимостью интенсификации модернизации социально-экономической системы, именно власть стала инициатором восстановления казачества в социальной системе, тем самым «запустив» процесс его возрождения. Участие казачества проявлялось как адаптация социальной общности к новым условиям жизнедеятельности, поиск институтов для интеграции в социально-политическую систему. В постсоветский период, напротив, инициатором и главным действующим субъектом возрождения являлось само казачество. Однако власть активно влияла на процесс, видоизменяя его. В обоих периодах отмечено активное взаимодействие обоих акторов, форматы данного взаимодействия влияли на характер и интенсивность возрожденческих процессов.

4. Установлено, что в разные периоды становление казачества в социальной системе советского и российского государства представляло собой процесс трансформации и социального конструирования социокультурных характеристик социальной общности и элементов его социокультурной системы. На характер процесса влияли условия конкретного исторического периода, государственная политика, а также возможности казачества адаптироваться в новых социально-экономических и политических условиях. В середине 1920-х – начале 1940-х гг. казачество возрождается под воздействием процесса трансформации. Сохранявшаяся социальная и культурная специфика социальной общности в ходе социалистической модернизации была трансформирована в соответствии с новыми социальными условиями. Социальная общность, в свою очередь, использовала новые социальные институты для адаптации, пытаясь приспособить советскую систему для выражения собственных интересов. В 1990-х – 2000-х гг. возрождение казачества происходит на основе конструирования основных характеристик социокультурной общности, так как к этому времени казачество прекратило свое существование как социальный феномен, имел место разрыв в передаче культурных традиций. Процесс конструирования приводил к сохранению внешнего сходства социальных и культурных форм, но изменял их задачи и функциональную природу в соответствии с новыми историческими условиями.

5. Выявлено, что в советский и постсоветский периоды возрождались определенные элементы социокультурной системы, имевшие ключевое значение для социальной общности. К ним относятся: военная служба и военно-культурная традиция, система местного самоуправления, традиционная культура. Однако возрождение хозяйственной системы казаков наблюдалось только в постсоветский период. В советский период экономическая политика была нацелена на превращение казаков в часть крестьянства и отвечала задачам расказачивания. В постсоветский период стремление казачества к воссозданию среды обитания проявилось в попытках возрождения хозяйственной системы казаков. Однако данный процесс с самого начала стал ярким примером социального конструирования, когда в новых условиях, с учетом длительного перерыва воспроизводства традиционной хозяйственной практики создавались новые хозяйственные формы.

6. Определена роль военной службы казаков, как важного фактора возрожденческого процесса и выявлены ее институциональные особенности в различные исторические периоды. Сравнение возрождения военной службы казачества в середине 1920-х – начале 1940-х гг. и в 1990-х – конце 2000-х гг. позволило сделать вывод, что, несмотря на утрату статуса военно-служилого сословия, военная служба оставалась востребованной в казачьей среде. Ее важность как социального института была обусловлена тем, что она позволяла казакам в условиях модернизации сохранять свою социальную идентичность и культурную преемственность.

7. Сконструирована и обоснована модель памяти, являющаяся важным элементом возрожденческого процесса в постсоветский период. Сама модель памяти была основана, с одной стороны, на травмирующем опыте казачества, с другой стороны, на воспоминаниях о патриотическом служении казаков Отечеству. Модель памяти рассматривается в инструменталистском ключе, ее использование способствовала формированию политики памяти как внутри казачьего сообщества, так и во вне для власти.

8. Обосновано, что в качестве социокультурного ресурса возрождения в советский и постсоветский периоды выступали культурные традиции казачества. Возможность их восстановления и сохранения способствовала развитию казачества и формировала лояльное отношение к власти. В постсоветский период в условиях социокультурного конструирования ресурсом возрождения также становится мифологизированный исторический нарратив, позволяющий конструировать возрожденческие концепты. Ещё одним важным ресурсом стала этническая идея, обладавшая мобилизационным потенциалом и позволявшая конструировать новую идентичность у потомков казаков.

Положения, выносимые на защиту:

1. Возрождение казачества представляет собой процесс становления социальной общности, происходивший после событий, приводивших к тому, что данная общность прекращала своё существование в общественной системе, утрачивала социокультурные характеристики. Можно выделить два периода возрождения казачества, происходившего в советский и постсоветский периоды. Для адекватного исследования целесообразно определить хронологические рамки

периодов и этапов возрождения. В основе их периодизации лежит принцип качественных изменений политики власти в отношении казачества, а также изменение характера деятельности социальной общности. Выделяются следующие периоды и этапы. Первый период охватывает середину 1920-х – начало 1940-х гг. Он включал в себя следующие этапы: 1. 1924–1927 гг. На данном этапе казачество частично было восстановлено как социокультурная общность, происходил процесс его трансформации и приспособления к новым условиям; 2. 1936–1942 гг. Данный этап носил преимущественно демонстрационный характер. Обращение к казачьей тематике при освещении тех или иных социально-политических и экономических процессов должно было, прежде всего, показывать, что казаки стали полностью лояльными советскому государству. Важным результатом данного этапа стало создание казачьих кавалерийских корпусов, сохранявших присутствие казачества как актора в социальных процессах предвоенного и военного периода. Второй период охватывает 1990-е – конец 2000-х гг. В нем выделяются следующие этапы: 1. 1990–1994 гг. В основе развития казачества лежит процесс социального конструирования общности на основе обращения к историческим формам и традиционной культуре. Ключевую роль играет память-травма, формируя идею казачества как репрессированного народа. Основной вектор развития этнополитический и историко-культурный. 2. 1995–2008 гг. изменение направления социокультурного конструирования. Воссоздаваемые элементы казачьей системы имеют поверхностное сходство с историческими образцами в виде, например, брендов или квазисловесных функций. Вместе с тем присутствие казачества в социальной системе российского государства упрочивается, за счет усиления организационно-управленческой составляющей. Ключевую роль играет историческая память о патриотическом служении казачества, способствовавшая закреплению позиций казачества.

2. В середине 1920-х – начале 1940-х гг. возрождение развивается под воздействием процессов трансформации. В его основе находятся ещё не исчезнувшие традиционные культурные формы и социальные институты. Видоизменяясь и встраиваясь в новую систему советского государства, они выступают как адаптационные формы для социальной общности. Вовлечение казачества в советское строительство стимулировало выработку у них общего интереса, сплачивало и объективно создавало условия проведения этого интереса в жизнь через Советы и другие институты. Приспосабливаясь, казачество как социальная группа трансформировалось, становясь частью советского общества. Однако при этом сохранялась идентичность, трансляция культурного опыта поколений. Таким образом, возрождение казачества в этот период являлось побочным, незапланированным результатом проводимой в отношении него государственной политики.

3. В середине 1930 х – начале 1940-х гг. казачество занимает важное место в социальной и военно-политической повестке государства, что способствует актуализации его присутствия в общественных и политических процессах. Важнейшей особенностью возрождения казачества на данном этапе является его демонстрационный характер, создание особого советского «образа казаче-

ства». Несмотря на отсутствие качественных изменений для казачества, объективно политика власти по усилению положительного образа казаков способствует сохранению инерции возрождения.

4. Восстановление казачьей службы в середине 1920-х – начале 1940-х гг. имело характер трансформации, когда сохранявшийся институт приобретал новые черты, в соответствии с изменившимися социально-политическими условиями. Территориально-милиционная система являлась удачным инструментом вовлечения казаков в советскую систему и удачной формой адаптации для них к новым условиям. Воспринимаемая казаками в контексте традиции военной службы, территориально-милиционная система способствовала сохранению социальной и культурной идентичности социальной общности.

5. В 1990-х – 2000-х гг. возрождение казачьей службы являлось социокультурной конструкцией. Исторические черты этого института не были сохранены, но военная служба воспринималась участниками возрождения как центральный элемент социокультурной системы. Её воссоздание рассматривалось одновременно как неперенный элемент возрождения и обоснование актуальности присутствия казаков в постсоветской системе. Военная служба стала важнейшей формой интеграции казаков и в советскую и в постсоветскую системы. Институт военной службы для казачества означал возможность активно участвовать в социальных процессах и сохранять/создавать идентичность, а также демонстрировать лояльность к власти, патриотические настроения.

6. Разрыв культурной традиции и прерывание исторического бытия казачества создали ситуацию, когда в конце XX в. в среде потомков казаков сформировался устойчивый запрос на восстановление исторической преемственности. В основу этого была положена историческая память, обладающая сильным мобилизационным потенциалом. Таким образом, историческая память казаков стала одним из факторов развития возрождения.

7. В постсоветский период возрождение развивается под воздействием процессов социального конструирования, что обусловлено временным разрывом в развитии социальной общности. Социальное конструирование охватывает организационно-управленческие, социальные, хозяйственные и культурные стороны возрождения, в его основе – обращение к традиции. На основе традиционной культуры конструируются социальные и культурные практики казаков, посредством которых создается среда обитания казаков. Данные практики используют произвольное эклектичное сочетание исторических образцов с современными задачами приспособления казачества к новым условиям жизнедеятельности.

Теоретическая значимость исследования. Диссертационное исследование позволит углубить знания о социально-экономических и политических процессах, происходивших в российском государстве в переломные периоды XX в., и участия в них различных социальных групп, в частности, казачества. Исследование способствует уточнению теоретико-методологических аспектов взаимодействия казачества и власти в периоды кризисов и системных трансформаций, происходивших в российском государстве. За счет сравнения различных исторических периодов возрождения казачества в российском государстве и обществе

возможно с большей точностью и объективностью анализировать действия казачества в настоящее время, определять причинно-следственные связи во взаимодействии современного казачества с властно-управленческими структурами. Исследование социального конструирования как основы процесса возрождения существенно расширяет понимание социокультурной сущности современного казачества. Эмпирический материал и теоретические выводы углубляют понимание механизмов социокультурной трансформации и адаптации социальной группы.

Практическая значимость исследования. Выводы диссертационного исследования способствуют более адекватному пониманию современной ситуации в казачестве, выявлению проблем его развития в современных условиях, построению прогнозов и сценариев социальных и политических процессов в казачьей среде. Материалы диссертации могут быть использованы в качестве информационной основы для написания аналитических отчетов для региональных органов власти, а также для профильной структуры Федерального агентства по делам национальностей.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы для лекционных курсов и учебных пособий по истории России XX – XXI вв., краеведению, истории казачества. Также положения исследования могут служить основой для ряда разделов программы повышения квалификации государственных гражданских служащих «Вопросы реализации государственной национальной политики». Частично такое использование материала диссертации применено при разработке дисциплин повышения квалификации государственных и гражданских служащих в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС.

Апробация исследования. По теме диссертации опубликовано 73 работы общим объемом 88,5 п.л. Из них – 3 авторских монографии, 3 коллективных монографии, 5 публикаций в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования (Web of Science, Scopus), 16 публикаций в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК при Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора наук, а также публикации в журналах, входящих в национальную библиографическую базу данных научного цитирования (РИНЦ), в том числе – в сборники международных и всероссийских научных конференций.

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертация соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. – Отечественная история, в том числе направлениям исследований: 3. Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов; 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности; 15. Исторический опыт российских реформ; 24. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Структура диссертационного исследования. Структура исследования имеет проблемно-хронологический характер и определена целью и задачами диссертации. Работа состоит из введения, шести глав и 17 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы, определены степень изученности темы, объект и предмет диссертации, её хронологические и географические рамки, цель и задачи работы, теоретико-методологическая и источниковая основа работы. Сформулирована научная новизна и положения, выносимые на защиту, представлены теоретическая и практическая значимость и апробация исследования, соответствие паспорту научной специальности, структура диссертации.

В первой главе «Методологические, источниковедческие и историографические аспекты исследования казачьего возрождения», состоящей из трех параграфов, представлена методологическая основа исследования, дана характеристика источниковой базы исследования, определены и проанализированы этапы отечественной и зарубежной историографии по теме.

В первом параграфе первой главы «Методологическое определение объекта и предмета исследования» рассмотрены различные подходы к определению природы казачества, как объекта диссертационного исследования и обосновано определение казачества в качестве социальной общности. А также раскрыто методологическое содержание предмета исследования – возрождения как исторического феномена, в разные периоды имевшего место в истории народов и отражавшего особенности культурных, социальных и политических процессов в разное время и обосновано его применение для понимания восстановления присутствия казачества в социально-политической системе в советский и постсоветский период.

В развитии казачества присутствуют черты этнической общности (территория, язык, самосознание, культура) и социальной общности (территориальное единство, устойчивые социальные связи, в том числе, бытовые, производственные, культурные и др.), что позволяет говорить о синтезе этнической и социальной природы в казачестве. Историческое бытие казачества, особенно его жизнедеятельность, социальные и культурные практики в советский и постсоветский периоды дают возможность определять его прежде всего, как социальную общность, трактуемую широко.

Широкое понимание социальной общности охватывает все многообразие социальных связей и осознание людьми принадлежности к данной общности¹. В качестве основных признаков социальной общности выделяют: устойчивую форму совместной жизни, наличие социальной связи между людьми; взаимосвязь человеческих индивидов, обусловленную общностью интересов, сход-

¹ Щепаньски Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 117.

ством деятельности и условий жизни, а также общими верованиями, представлениями о целях деятельности и др.¹ Таким образом, казачество может пониматься, как объединение людей, имеющее как различные связи внутри общности, так и объединение-одинаковость, основанное на внешней фиксации признака, по которому происходит выделение данного объединения среди других. Для казачества таким признаком служит наличие предков-казаков, память о своём происхождении, готовность идентифицировать себя в качестве казаков. Такое определение общности позволяет снять вопросы при определении, что такое «советское казачество», не имевшее официального статуса и официальных социальных границ, но четко выделяемое советской властью по принадлежности к бывшему казачьему сословию, локализованное на определенных территориях юга России, осознававшее и проводившее свой социальный интерес в определенные периоды 1920-х – 1940-х гг. Также при исследовании возрождения казачества на юге России в конце XX – начале XXI вв. широкое определение казачества как социальной общности позволит учитывать пассивное участие в данном процессе потомков казаков, а также рассматривать участников казачьих объединений еще и как представителей широкой казачьей общности.

В исследовании используется термин «сообщество». Сообщество может обладать более устойчивыми, чем в социальной общности, профессиональными и социальными связями, выраженным осознанием своей принадлежности. В рамках исследования понятие «казачье сообщество» применяется преимущественно в качестве уточняющего, для более корректного анализа процесса возрождения у астраханских, донских, кубанских, терских казаков.

Для методологического обоснования применения понятия «возрождение» в рамках исследования важным является то, что возрождение – это ситуация резкого и бурного изменения жизни общества. Важной особенностью всех периодов возрождения можно назвать ситуацию системного кризиса в которой происходило формирование новых концептов во сферах жизнедеятельности общества. Основой нередко служили культурные образцы прошлого, происходил симбиоз традиций и новаций, порождающих новые феномены социально-экономической, политической и культурной жизни общества. В истории понятие «возрождение» применяется для раскрытия характера процессов, происходивших в социальных, экономических и политических сферах Европы XIV–XV вв. и других исторических периодов в которых наблюдался культурный подъем после периода упадка, обращение к культурным образцам, прежде всего, античности.

Во второй половине XX в. термин «возрождение» начинают применять для характеристики этнических процессов в странах Европы и Америки. Появляется такое понятие как «этническое возрождение». Под ним понимают, например, возрождение индейской культуры и идентичности в США, этнические процессы в автономных сообществах Испании (Каталонии, Стране Басков). Этническое возрождение связывали с этносоциальной активностью, с усилением интереса к

¹ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. Самара, 1995. С. 16–17; Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 6. С. 3–12.

этнической идентичности через усиление интереса к этнической культуре, языку, формирование этнической литературы. Также оно проявлялось как активизация этнополитических процессов. В качестве объективных причин этого называют ситуацию социальной нестабильности, поиск комфортной социальной ниши, выработка новой идентичности¹.

Этническое возрождение может рассматриваться как часть концепции волн традиционализма, когда в условиях столкновения унифицированной мировой культуры и дифференцированных региональных культур усиливается интерес к групповым формам идентичности. В 1970-х – 1980-х гг. произошли радикальные перемены в экономической, интеллектуальной и политической сферах многих стран, что стало фактором роста традиционализма, частью которой стало этническое возрождение².

Таким образом, феномен возрождения это, с одной стороны, развитие, в основе которого лежит обращение к культурным образцам прошлого и встраивание их в современную социокультурную систему, с другой – это реакция на модернизационные процессы и усиление традиционализма. Для исследования феномена казачьего возрождения это имеет важное методологическое значение, так как в его основе лежала опора на традицию, восстановление прежних культурных и социальных форм. При этом такое восстановление не сводимо к простой реставрации, так как в ходе адаптации традиции к новым условиям она существенно изменялась/изобреталась.

Во втором параграфе первой главы «Источниковая база исследования: видовое разнообразие и проблемы изучения» дана характеристика источниковой базы исследования. В контексте темы исследования в рамках советского периода возрождения выявлялись и анализировались документы, отражавшие ситуацию диалога казаков с властью на юге России, а также ход и результаты политики «Лицом к казачеству» в середине 1920-х гг., результаты вовлечения казачества в социалистическую модернизацию в середине 1930-х – начале 1940-х гг. Это позволило расширить источниковую базу по советскому периоду.

По данному периоду основной массив источников составили опубликованные и неопубликованные письменные источники. Это нормативно-правовые документы, к которым относятся постановления ЦИК и СНК СССР, резолюции и постановления ВКП(б), носившие законодательный характер и определявшие направление государственной политики. К данному виду документов относятся постановления областных и краевых исполнительных органов власти. Следующим видом являются делопроизводственные документы, отражающие мероприятия власти в отношении казачества. Делопроизводственные документы свидетельствуют о механизме регулирования социально-экономических и политических процессов. Они разделяются на три группы. Первая группа – различного

¹ Ермошина И.И. Социально-философские аспекты анализа этнического возрождения: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 1998. С. 3.

² Паин Э.А. Волновая природа подъема традиционализма на рубеже XX – XXI веков // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 44.

рода обследования казачьих станиц. Это информационные сводки, акты обследования состояния казачьих станиц и волостей, акты обследования партийных ячеек низового уровня (хуторских и станичных), отчеты волисполкомов, доклады, письма. Вторая группа – информационно-аналитические документы, специальные доклады пленумов и бюро партийных организаций, губернские и краевые съезды советов, заседания исполкомов. Они содержат сведения о проявлениях сословной вражды, активизации антисоветского элемента, проявлениях недовольства и социальной апатии и т.п. Особого рода делопроизводственная документация – сводки политотделов МТС, в которых концентрировались сведения о контрреволюционных настроениях и действиях населения, фактах саботажа и других негативных явлениях. Третья группа – резолюции и программы партийно-советских органов власти, отражавшие результаты реализации политики партии в казачьих районах. Данные документы позволяют выявить специфику эпохи, определить социальные, политические и правовые рамки, в которых формировались настроения казачества. Данные источники позволяют определить влияние государственной политики на казачество, как социальную общность, выявить прямые и опосредованные результаты такой политики.

К делопроизводственным документам особого рода следует отнести информационные отчеты и сводки структур ОГПУ. Они обладают высокой степенью достоверности содержащихся в них сведений. Это, чаще всего, информация о негативных фактах и ситуациях в социально-экономической и политической сферах, фиксация настроений протестного характера, сведения о террористических актах, бандитизме и др.

Ещё одним видом источников являются сборники речей и докладов руководителей партийных органов 1920-х–1930-х гг. Собранные в таких сборниках материалы отражали официальную политическую линию власти в отношении казаков на тот период.

Периодическая печать как вид источников по советскому периоду содержит материалы, которые дают представление о политической линии власти в отношении казаков, раскрывают новые социальные реалии их жизни, формируют новый образ советских казаков.

Источниковая основа исследования возрождения казачества включает в себя следующие виды опубликованных и неопубликованных источников. Нормативно-правовые источники включают в себя федеральные законы, постановления Верховного Совета Российской Федерации, Указы Президента РФ, постановления Правительства, а также законы, решения и постановления региональных законодательных органов. К этому виду документов относятся концепции государственной политики в отношении казачества, принимавшиеся на разных этапах постсоветского возрождения 1990-х – 2000-х гг., государственные и ведомственные программы развития казачества. В данных документах определялись направления возрождения, рамки развития казачества, политика власти в отношении него. Создается правовое пространство возрождения.

Важным видом источников являются программные и уставные документы казачьих общественных организаций. Это декларации и резолюции Больших

кругов казачьих организаций, советов атаманов Союза казаков. Данные документы отражают задачи возрождения, реакцию казаков на различные социально-политические процессы. Большое значение для понимания ключевых идей процесса возрождения, его ценностных и целевых установок имеют уставы казачьих организаций начала 1990-х гг. Делопроизводственная документация казачьих обществ – ценный источник для исследования различных сторон возрождения, выявления различных практик, определения сочетания в них традиций и новаций.. Это переписка атаманов с различными министерствами, сведения о видах деятельности, которыми занимались казачьи общества, о создании казачьих дружин, рекомендации по взаимодействию с военкоматами при осуществлении призыва казачьей молодежи в Вооруженные Силы. Выделяется группа документов, отражающих экономическую деятельность казачьих обществ.

Периодическая печать по периоду 1990-х – 2000-х гг. – прежде всего, газеты, учредителями которых являлись казачьи общества и структуры власти, курирующие казачество. В газетах и журналах отражен материал по социально-политическим и культурным аспектам возрождения.

В работе представлен такой вид источников, как результаты социологических опросов. К ним относятся материалы всероссийского социологического исследования «Современное российское казачество: политический, социальный, экономический портрет; анализ тенденций и прогноз развития государственной службы российского казачества», которое проводилось по заказу Минрегионразвития в 2008 г., а также материалы социологического исследования, проведенного в 2011 г. Южнороссийским филиалом Института социологии РАН. Также в работе представлен материал, собранный методом включенного наблюдения (аудиозаписи с больших кругов), и интервью с ветеранами возрождения.

Таким образом, комплекс источников по теме исследования разнообразен по видовому составу и имеет качественные и количественные особенности, специфику выявления в зависимости от изучаемого периода. Источники по периоду середины 1920-х – конца 1940-х гг. можно характеризовать как классические исторические источники, большинство которых является неопубликованными архивными документами. Источники по периоду 1990-х – конца 2000-х гг. частично можно охарактеризовать как классические исторические источники, частично неопубликованные и находящиеся в архивах, частично опубликованные в исследованиях по возрождению казачества в качестве документальных приложений. Представленный комплекс источников по своему многообразию и видовому разнообразию позволяет изучить различные периоды возрождения казачества комплексно и всесторонне, в соответствии с заявленными задачами.

В третьем параграфе первой главы «Историография возрождения казачества в советский и постсоветский периоды: основные подходы к изучению» дан анализ развития основных этапов и направлений исследований по истории казачества в советский и постсоветский периоды. В целях более точного освещения проблематики научных исследований, научные работы разделены по периодам диссертационного исследования. Выделены работы, в которых рас-

считаются социально-политические процессы, имевшие отношение к казачеству в советский период середины 1920-х – начал 1940-х гг. и те, в которых анализируются проблемы постсоветского возрождения 1990-х– 2000-х гг.

В рамках советского периода выделены следующие этапы развития историографии:

1. Вторая половина 1920-х – 1930-е гг. исследовательские работы находятся на стыке с публицистикой, многие имеют очерковый характер, ряд исследований имеют характер краеведческих. Их авторы являются современниками и участниками социально-политических и культурных процессов данного периода. Их работы можно отнести частично к категории источников. В их числе исследования М.И. Лолы, И.И. Ульянова, В.Ф. Черного, Н.Л. Янчевского и др.¹

2. 1960-е – 1970-е гг. в рамках исследований социально-экономических процессов в период социалистического строительства 1920-х–1930-х гг., обращения к теме НЭПа, коллективизации затрагиваются вопросы участия казаков юга России в данных процессах. Вовлечение казачества в советское строительство, социалистическую реконструкцию сельского хозяйства рассматривались в работах П.Г. Чернопицкого, В.Е. Щетнёва, Я.А. Перехова, Э.Д. Осколковой, Е.Н. Осколкова и др.²

3. 1980-е гг. происходит обращение непосредственно к теме казачества в советский период, прежде всего к участию его Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войне. Формируется исследовательское направление по казачьей традиционной культуре, фольклору. В 1986 г. вышла работа Г.Л. Воскобойникова и Д.К. Прилепского «Казачество и социализм», в которой казачество рассматривается как активный субъект взаимоотношений с властью³.

4. 1990-е гг. кардинальное изменение проблематики исследований, сформировавшееся под воздействием новых теоретико-методологических подходов в исторической науке, а также развития процесса возрождения казачества. В цен-

¹ Лола М.И. О кубанском казачестве. Ростов н/Д; Краснодар, 1926; Ульянов И.И. Казаки и советская республика. М.; Л., 1929; Чёрный В.Ф. Политика партии на Кубани в области землеустройства // На аграрном фронте. 1927. № 11–12. С. 159–177; Как живет и чем болеет деревня (По материалам комиссии по обследованию деревни на Юго-Востоке) / под ред. Н.Л. Янчевского. М.; Ростов н/Д, 1924.

² Чернопицкий П. Г. Сельские Советы Дона в период подготовки и проведения массовой коллективизации (1928–1931 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1963; он же. На великом переломе. Сельские Советы Дона в период подготовки и проведения массовой коллективизации (1928–1931 гг.). Ростов н/Д, 1965; Щетнёв В.Е. Классовая борьба в кубанской станице (1920–1927 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1967; Перехов Я.А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.). Дис. ... канд. ист. наук, 1966; Осколкова Э.Д. Разработка партией лозунга «лицом к деревне» // Тезисы докладов на научной секции Северо-Кавказского совета по гуманитарным наукам. Октябрь 1962. Ростов н/Д, 1962; Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1977.

³ Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К. Казачество и социализм: исторические очерки. Ростов н/Д, 1986.

тре внимания историков – казачество в системе антибольшевистских сил, эмиграция, репрессивная политика, коллективизация и раскулачивание¹. Впервые была сделана попытка концептуального осмысления проблемы рассказывания². Вместе с тем, развивалось направление исследований, посвященных участию казачества социально-экономических процессах в период НЭПа, взаимодействие власти и казачества в условиях политики «Лицом к казачеству» и многие другие³.

Снятие идеологических ограничений и господства классового подхода в исследовании социальных процессов XX в. позволило вернуться к изучению казачества как социальной общности, учитывая специфику сословной природы, определявшей в значительной степени настроения и действия казаков в 1920-е гг. Новым в методологии изучения казачества становится учёт его субэтнических характеристик. Казачество становится самостоятельным субъектом исторического процесса в историографии.

5. Конец 1990-х – 2010-е гг. – время развития нового подхода, в рамках которого социальные общности в России в XX в. рассматриваются в рамках концепции системной модернизации и трансформации. Развитие колхозной деревни юга России в контексте модернизации исследовал В.А. Бондарев. Им была разработана концепция фрагментарной модернизации советской деревни в 1930-е гг. Сделан анализ влияния коллективизации на процесс трансформации казачье-крестьянской общности, изменение всей социокультурной системы колхозной деревни⁴. Изучение социально-экономических и политических процессов в казачье-крестьянских областях юга России в 1920-х гг. с применением подходов системной трансформации и модернизации предпринимали Т.В. Панкова-Козочкина и Ю.А. Яхутль⁵. Также вышли работ, А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна и

¹ Венков А.В. Государственные образования в казачьих областях в 1918–1920 гг. // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докл., сообщ., выступл. на V Междунар. (Всерос.) науч. конф. Ростов н/Д, 1995. С. 64–65; Кислицын С.А. Государство и казачество: сотрудничество и конфронтация // Проблемы казачьего возрождения. Сб. науч. ст. В 2-х ч. Ростов н/Д, 1995. Ч. I.

² Кислицын С.А. О заключительном этапе «рассказывания» // Там же. С. 78–80; Щетнёв В.Е. Рассказывание как социально-историческая проблема // Голос минувшего. Краснодар, 1997. № 1. С. 18–22.

³ Воскобойников Г.Л. Казачество в Красной армии в 20-е–30-е гг. XX в. // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ст. Полтавская Краснодарского края. 23–27 сент. 1996 г. Краснодар, 1996. С. 50–54; Кураев В.Д. Советская власть и казачество на Северном Кавказе (1921–1927 гг.) // Там же. С. 130–133; Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д, 1997; Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999; он же. Терское казачество в условиях «расширения» новой экономической политики: изменения этнодемографической структуры и общественного мнения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 114–123.

⁴ Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: История преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополя. Ростов н/Д, 2005.

⁵ Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи НЭПа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014; Яхутль

посвященных развитию казачества в 1920-х – 1930-х гг., его взаимоотношениях с властью¹, работы А.Н. Грищенко о развитии повстанчества и казачьих выступлениях в 1920-х гг.²

В работах А.В. Баранова, А.В. Венкова, С.А. Кислицына, А.П. Скорика, О.В. Рвачевой рассматриваются основные аспекты политических настроений и протестного поведения казаков в связи кампаниями по расширению НЭПа, проведению хлебозаготовок и объявлению «военной тревоги» в конце 1920-х гг., осуществлению коллективизации и раскулачивания³.

Появилось несколько фундаментальных исследований по теме участия казачества в Великой Отечественной войне в которых историческая фактура способствовала формированию представлений о патриотизме казачества. В числе таковых работы Г.Л. Воскобойникова, В.П. Трута, Г.М. Куркова, А.Г. Бурмагина⁴. Стали разрабатываться темы казачьего коллаборационизма. В исследова-

Ю.А. Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в советской России 1921–1929 гг. (на примере Кубани и Дона): дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2020.

¹ Тикиджьян Р.Г. Донские казаки и советская власть во второй половине 1920-х гг.: от социального компромисса к «холодной конфронтации» // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 5. С. 58–63; он же. Новая экономическая политика Советского государства и проблема представительства донских казаков в органах власти и самоуправления в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2011. № 1 (19). С. 18–24; Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х гг.: Очерки истории. Ростов н/Д, 2010; Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории. Ростов н/Д, 2008; он же. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. Ростов н/Д., 2009.

² Грищенко А.Н. «Да здравствует власть народная на принципах братства, равенства и свободы»: мятеж К.Т. Вакулина, повстанческая армия Ф. Попова // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сб. статей и материалов. М., 2013. С. 529–549; он же. «Освободить народ от ига и плача»: повстанческое движение Григория Маслакова // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. Сб. статей и материалов. М., 2014. С. 168–200 и др.

³ Баранов А.В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор развития политических ориентаций земледельцев Юга России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2011. № 4 (29). С. 13–17; Венков А.В. «Дело Сенина» или операция «Трест» на Верхнем Дону. М., 2016; он же. Союз троцкистов и белых казаков, или разгром партийно-советской верхушки в Азово-Черноморском крае в 1937 г. // Наука Юга России. Ростов н/Д, 2017. Т. 13. № 2. С. 79–90; Баранов А.В., Рвачева О.В. Протестные настроения донского казачества и репрессивная политика власти конца 1920-х – 1930-х годов // Новейшая история России. СПб., 2018. Т. 8. № 3. С. 613–624.

⁴ Воскобойников Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 2007; он же. Советская конница в Великой Отечественной. М., 2008.

⁴ Трут В.П., Курков Г.Н. Военная энциклопедия казачества. М., 2009; Курков Г.Н. Верные долгу: казаки юга России в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Краснодар, 2011; Бурмагин А.Г. Участие кубанских казаков в составе советских кавалерийских соединений в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011.

ниях П.Н. Крикунова, раскрывается взаимодействие казачьих коллаборационистских структур с военным командованием на оккупированных территориях СССР и в Европе¹.

Удачные попытки исследования таких сложных, в силу специфики источниковой базы, тем, как казачья повседневность, быт и культура в советскую эпоху предприняли С.Д. Багдасарян, М.А. Рыблова, Т.С. Рудиченков².

В рамках постсоветского периода 1990-х – 2000-х гг. выделены следующие этапы развития историографии:

1. 1990–1995 гг. первые работы по исследованию процесса возрождения казачества были посвящены этнополитическим вопросам. анализировалось участие казаков в общественно-политических процессах, идеи казачьего возрождения. Одной из первых является работа С.К. Сагнаевой, в которой затрагивалось участие уральского казачества в социально-политических процессах³. Результаты первых исследований процесса возрождения публиковались специалистами рабочей группы по вопросам возрождения казачества, действовавшей в структуре Консультативного совета по проблемам возрождения российского казачества Института этнологии и антропологии РАН⁴, Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН⁵. Были сделаны обзоры основных тенденций развития казачества в современных условиях, обозначены проблемы раскола казачьих обществ, политизации движения.

2. 1995–1999 г. На данном этапе появилась возможность подведения первых итогов в изучении казачьего возрождения, выход на уровень его концептуального осмысления. На конференциях, посвященных возрождению казачества, поднимались вопросы направления возрождения, возможности воссоздания казачьей общины, казачьей службы⁶, проблемы идентичности казаков. Большое

¹ Крикунов П.Н. Идеология и политика коллаборационизма в среде казачества в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. полит. наук. М., 2004; он же. Казаки между Гитлером и Сталиным. М., 2005.

² Багдасарян С.Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи НЭПа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы. Новочеркасск, 2015; Рыблова М.А. Рудиченко Т.С. Трансформации культуры казачества Юга России в XX в. // Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград, 2014. С. 516–536.

³ Сагнаева С.К. Состояние и перспективы развития межнациональных отношений в городе Уральске Казахской ССР. М., 1991.

⁴ Казаки России. Прошлое. Настоящее. Будущее / редкол.: Ю.Б. Симченко (отв. ред.). М., 1992. Кн. 1.

⁵ История казачества Азиатской России. В 3-х тт. / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 1995. Т. 3.

⁶ Козлов А.И. Проблемы казачьего возрождения... С. 4–6; Трут В. П. Проблема возрождения казачества... С. 6–7; Бондарь В.В. О степени соотнесенности исторического и современного типов казачества // Возрождение казачества (история, современность, перспективы)... С. 10–11; Кожанов А.П. О возрождении казачества... С. 11–12; Хагуров А.А., Щетнёв В.Е. Казачий менталитет: прошлое и настоящее // Возрождение казачества (история, современность, перспективы)... С. 15–16; Хопёрская Л.Л. Казачество в расстановке политических сил на Юге России // Возрождение казачества (история, современность, перспективы)... С. 22–23; она же, Харченко В.А. Состояние казачьего движения в республиках Северного Кавказа // Возрождение

внимание было уделено такому вопросу, как участие казачества в политических процессах, прежде всего, на юге России¹, развитие казачьего самоуправления².

Во второй половине 1990-х гг. в историографии по теме казачьего возрождения перешли от описания отдельных событий и фактов начался переход к концептуальному осмыслению процесса. В качестве ключевых работ можно назвать исследования А.И. Козлова и Т.В. Таболиной³.

3. 2000-е – 2010-е гг. наметилось несколько направлений исследований: изучение политической деятельности казачества; анализ социальной роли и функций современного казачества, воссоздания отдельных элементов традиционной социокультурной системы казачьего сообщества; исследование новых культурных явлений. Каждое из этих направлений характеризовалось набором проблемных тем, новаторством в их освещении. Среди наиболее крупных исследований работы Н.Ф. Бугая, И.В. Белоусова, А.Г. Масалова, А.А. Озерова и А.Г. Киблицкого, Г.О. Мациевского⁴. Большой вклад в изучение противоречий казачьего возрождения внес С.М. Маркедонов⁵. В рамках изучения хозяйственного потенциала казачьих обществ вышли работы А.Д. Беглова, И.В. Николаенко⁶. В середине

казачества: надежды и опасения: Научные доклады. Московский центр Карнеги. Вып. 23. М., 1998.

¹ Верховский А.М., Паин Э.А., Прибыловский В.В. Политический экстремизм в России. М., 1996. С. 185–191; Коренько В.А. Казачество в Ставропольском крае – фактор стабилизации или конфликтогенеза? // Возрождение казачества: надежды и опасения. Науч. докл. Моск. Центр Карнеги. Вып. 23. М., 1998. С. 104–138.

² Дулимов Е.И., Золотарёв И.И. Самоуправление казаков: история и современность. Ростов н/Д, 1998; Золотарёв И.И. Казачье самоуправление на Дону (Историческое исследование). Ростов н/Д, 1999.

³ Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов н/Д, 1995; Таболина Т.В. Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности. М., 1997; она же. Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы. М., 1999.

⁴ Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-годы). М., 2000; Масалов А.Г. Российское казачество в начале XXI века. Ставрополь, 2008; Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов (История современного донского казачества). Исследования и документы. Ростов н/Д, 2002. Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение казачества в новой России (социально-философский аспект). Ростов н/Д, 2004; Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Донские казаки: проблемы возрождения и перспективы развития. В 2-х ч. Часть 2 (история современного донского казачества). Исследования и документы. Ростов н/Д, 2003; Мациевский Г.О. Возрождение политической жизни кубанского казачества (конец 1980-х – 1990-е годы): дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2002; он же. Традиции «самостийности» в политической жизни современного казачества // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2012. № 3 (118). С. 57–63.

⁵ Маркедонов С.М. Государевы слуги или бунтари-разрушители? (К вопросу о политических отношениях донского казачества и российского государства) // Консерватизм и традиционализм на Юге России. Южнорусское обозрение. Ростов н/Д, 2002. № 9. С. 130–159; Маркедонов С.М. Неказачество на Юге России: идеология, ценности, политическая практика // Центральная Азия и Кавказ. Лулео, 2003. № 5 (29). С. 161–166.

⁶ Беглов А.Д. Модели развития казачьих обществ в рамках региональных экономических систем // Вопросы экономики и права. 2011. № 41. С. 23–26; Николаенко И.В. Проблемы казачьего землевладения и землепользования на примере законодательства отдельных субъектов

2010-х вышли работы Г.О. Мациевского, Н.Ф. Бугая в которых был сделан системный анализ роли казачества в политических и социальных процессах постсоветской России¹.

Также в рассматриваемый период усилилось направление исследований идентичности казачества. Важные выводы в исследованиях по данному вопросу сделали М.А. Рыблова, Н.Ф. Бугай². Тема идентичности казаков вызывало немалый интерес и у зарубежных авторов. Из наиболее значимых можно назвать исследования Б. Скиннер, Б. Боука, Р. Арнолда, Х. Тои³. В проблематике исследований культуры казачества на данном этапе развития историографии выделяются работы по казачьему образованию, трансформации форм казачьей традиционной культуры в современных условиях⁴.

Итак, в рамках историографического обзора выявлены этапы, отражающие основные изменения и тенденции в исследованиях по истории казачества советского и постсоветского периода, определены качественные изменения в подходах к изучению казачества. Круг основных тем включает участие казачества социально-политических процессах в условиях Гражданской войны, в период НЭПа, коллективизация в казачьих районах, привлечение казачества на военную службу и участие казачьих кавалерийских частей в Великой Отечественной

Южного федерального округа Российской Федерации // Региональное нормотворчество. Аналитический бюллетень. Саратов, 2004. Ч. 1. С. 159–168.

¹ Мациевский Г.О. Политическая жизнь российского казачества: история становления, основные источники и тенденции развития (конец 1980-х – конец 2000-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2013; Бугай Н.Ф. Казаки Юга России: конститутивность, эволюция, современность (XX–XXI вв.). М., 2015; Бугай Н.Ф., Штурба Е.В. Казаки России в обеспечении безопасности: проблемы внутренних угроз. 1990-е – 2015 гг. М.; Краснодар, 2016; Мациевский Г.О. Роль казачества в противодействии экстремизму и этносоциальным конфликтам на Кубани. Краснодар, 2017.

² Рыблова М.А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 158–174; Бугай Н.Ф. Российское казачество и проблема идентичности с вопросом: кто мы? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 4. С. 148–163.

³ Skinner B. Identity Formation in the Russian Cossack Revival // Europe-Asia Studies. Glasgow, 1994. No. 6. P. 1017–1037; Boeck B.J. From the Verge of Extinction to Ethnic Distinction: Cossack Identity and Ethnicity in the Kuban' Region, 1991–2002 // Ab Imperio. Kazan, 2004. № 2. P. 617–645; Arnold R. Testing Constructivism: Why Not More “Cossacks” in Krasnodar Kray? // Post-Soviet Affairs. Palo Alto, 2014. No 30 (6). P. 481–502; Toje H. Cossack Identity in the New Russia: Kuban Cossack Revival and Local Politics // Europe-Asia Studies. Glasgow, 2006. Vol. 58, No. 7, November. P. 1057–1077.

⁴ Быковский В.Н. Особенности воспитания учащихся на примере культуры казачества. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тула, 2002; Никитенко О.Г. Традиционная культура донских казаков Волгоградской области в современном социокультурном контексте // Известия Волгогр. гос. соц.-пед. ун-та. 2013. № 3 (78). С. 32–36; Рудиченко Т.С. Традиционная культура донских казаков и социальные процессы конца XX – начала XXI века // Вторичные формы традиционной народной культуры. Материалы науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 26–27 ноября 2010 г.). Краснодар, 2010. С. 160–172; Ратушняк О.В. Становление и развитие системы образовательных учреждений казачьей направленности в Краснодарском крае и их роль в патриотическом воспитании молодежи // Краеведческие записки. Сб. науч. тр. Ростов н/Д, 2012. С. 133–142.

войне, развитие казачества в постсоветский период, взаимодействие его с властью, проблемы конфликтности казачьего движения, трансформация культуры и конструирование идентичности казачества.

Во второй главе «Политика «Лицом к казачеству» и ее влияние на встраивание казачества в политическую систему советского государства» анализируются действия партийно-советского руководства на юге России по вовлечению казачества в политические и социальные процессы, выявляются формы адаптации казачества в новой социально-политической системе, определяется реакция казачества на политику власти, раскрываются действия казаков по формированию и продвижению интереса социальной группы через предложенные формы и институты, определяется роль советских институтов в сохранении идентичности казаков и возрождении казачества новой социальной системе.

В первом параграфе второй главы «Вовлечение казачества в государственное строительство как фактор возрождения социальной общности в середине 1920-х гг.» рассмотрены методы реализации политики «Лицом к казачеству» на юге России и характер их влияния на казачество.

После установления советской власти на территориях бывших казачьих войск на юге России здесь возникло новое соотношение социальных групп, казачество оказалось в положении проигравших в Гражданской войне. Большевики проводили политику расказачивания, ликвидируя сословную специфику социальной общности. Казачество в свою очередь, отказывалось от взаимодействия с партийно-советскими органами, социально замыкалось. Таким образом, к середине 1920-х гг. казачество оказалось выключенным из социально-политических процессов юга России. Эта ситуация существенно замедляла процессы модернизации. Казачество составляло около 30 % всего населения юга России, а в отдельных районах до 70 %. Что означало высокую значимость казачества, как социальной общности для динамики модернизационных процессов. Большевистской власти необходимо было наладить диалог с данной социальной общностью в целях обеспечения прочных позиций среди сельского населения юга России.

В 1924 г. в рамках политического курса «Лицом к деревне» на юге России начинается проведение мероприятий по вовлечению казачества в процессы советского строительства. Данный курс получил наименование «Лицом к казачеству». Новый политический курс был обусловлен причинами экономического, военно-политического и социального характера. В 1924 г. осуществляется комплекс мер по обследованию районов с компактным расселением казачества, выявлением социальных и экономических проблем, осуществляется мониторинг настроений. Собранная информация послужила основой для разработки резолюции «По вопросу о казачестве» апрельского партийного Пленума 1925 г. Пленум официально закрепил линию, которая уже проводилась на местах и была направлена на вовлечение казаков в новые общественно-политические и экономические отношения.

Положения резолюции нами рассматриваются как систематизированное изложение мероприятий и стимулов адаптационно-мобилизационного характера, позволявших трансформировать казачье сообщество и осуществлять его вклю-

чение в советскую систему. В качестве таких мер называются: привлечение казаков к советскому строительству через выборы в советы, введение в название советов словосочетания «и казачьих депутатов», учет культурно-бытовых особенностей казачества, разрешение носить традиционную одежду. Мы считаем, что такие меры также способствовали сохранению идентичности социальной общности.

Затем аналогичные комплексы мер были приняты в Северо-Кавказском крае, в Сталинградской области, частично в Астраханской области. Наиболее системные меры по адаптации казачества к новому социально-политическому строю были представлены в материалах краевого совещания по работе среди казачества при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б), проходившем в июне 1925 г. в Ростове-на-Дону. На совещании делегаты определили наиболее важные меры по снижению социального недовольства и апатии социальной общности. Задействованные властью методы реализации политики «Лицом к казачеству», такие как, «оказачивание» советов, вовлечение казаков в комсомол, партию, общественные организации, привлечение к общественной деятельности женщин-казачек, активная идеологическая работа с казачьей молодежью и др., которые должны были способствовать социальному расказачиванию, определяются как способы адаптации казачества к новой политической и социальной реальности.

Декларирование сохранения казачьей самобытности при одновременном стремлении партийно-советского руководства интегрировать казаков в систему советского общества способствовало выработке адаптационных (переходных) форм такой интеграции и делало процесс трансформации для казаков менее болезненным и конфликтным. Такая политика способствовала замедлению процесса «растворения» казаков в крестьянстве, вновь очерчивались социальные границы общности. Действия власти в рамках политики «Лицом к казачеству» способствовали тому, что социальное пространство ряда регионов юга России опять маркировалось как казачье, а предложенные формы адаптации способствовали возрождению социальной общности в социальной структуре юга России. Наиболее отчетливо это проявилось в Советах, которые в ряде казачьих районов, по преимуществу стали состоять из казаков.

Во втором параграфе второй главы «Казачество юга России в процессах социального переустройства середины 1920-х гг.: общественные настроения, формы и способы адаптации» изучена реакция социальной общности на мероприятия власти в рамках политики «Лицом к казачеству», выявлены причины усиления традиционализма и ее влияние на возрождение казачества в рассматриваемый период.

В условиях социально-экономической и политической нестабильности в начале 1920-х гг. казачество вело себя пассивно, распространялось явление абсентеизма в отношении новых органов власти. Постепенно под влиянием мер политики «Лицом к казачеству» общность разворачивалась в сторону большевистской власти. Фиксировался рост интереса населения к действиям местных органов власти и стремление к обсуждению насущных проблем. Значительно выросло в 1925–1926 гг. участие населения казачьих районов в выборах в советы, что свидетельствовало об устойчивом положительном отношении его к власти.

Нарастала активность участия казачества в работе комсомольских и партийных организаций других общественных организаций (ОСОАВИАХИМ).

Снятие ограничений на казачьи культурные традиции, возможность их воспроизводства, способствовало изменению отношений казаков к власти, а также создавало возможность для общности сохранить свою социальную идентичность, что в условиях трансформации системы было для них очень важным.

Постепенное вовлечение социальной общности в модернизационные процессы способствовало актуализации его собственных интересов. В казачьих районах отчетливо проявилась ситуация группового сплочения казаков против крестьян, что обострило социальный (сословный) антагонизм. Сословное противостояние стало одним из серьезных негативных последствий политики «лицом к казачеству». Ярко проявился оно в выборах в советы и в землеустройстве.

Нами выделяются две основные причины активизации казачьего противостояния в условиях новой советской модернизации. Во-первых, причина социально-ментального характера. В новых условиях актуализировалась социокультурная оппозиция «мы–они», «свои–чужие». Пришлые крестьяне воспринимались как «чужие», угроза приоритетам казачьей социальной общности в контроле ресурсов (земли). Действия казачества по проведению своего интереса способствовали восстановлению прежней границы между ним и другими социальными группами. Во-вторых, причина экономического характера. Это организация землевладения и землепользования. Земля являлась главным ресурсом сельских общностей, возможность контроля данного ресурса имело большое значение. В середине 1920-х гг. казачество вынуждено было разделять контроль над главным экономическим ресурсом с «чужими» – коренными крестьянами и иногородними. Земельные споры, таким образом, приобретали новый характер. Это было возвращение прежнего превосходства над крестьянско-иногородней общностью.

Казачество демонстрировало консолидированный интерес в экономической и других сферах, способность к объединению и отстаиванию его. Это определяло специфику их вовлечения в модернизационный процесс. В определенной мере казачество восприняло политику «Лицом к казачеству» как проявление слабости власти и попыталось приспособить новые органы управления для продвижения своего интереса. Отмечается приход в советы в результате перевыборов бывшей станичной элиты. Происходили не только количественные, но и качественные изменения в сфере местного самоуправления. Выявлено множество фактов сплочения казаков, лоббирование своих кандидатов в период перевыборных кампаний. Это можно расценивать, как желание приспособить действующие институты социальной системы под свои нужды и реализовать свой групповой социальный интерес.

Таким образом, результаты политики «Лицом к казачеству» были противоречивы. Модернизация в середине 1920-х гг. актуализировала участие казачества как социальной общности в социальных, политических и экономических процессах советского государства на юге России. Вовлечение казаков в процессы трансформации социальной, политической и экономической сфер изменили их отношение к режиму. Обратной стороной вовлечения казаков в процессы советского

строительства стало усиление их самоорганизации, стремление проводить свои интересы через новые социальные институты. Происходил рост оппозиционных настроений среди казачества, настроений реванша. Казачество превратилось в активного участника проводимой политики, формируя и отстаивая социальный интерес. В совокупности с возрождением культурных традиций казачества, декларированной поддержке культурной особенности социальной общности это влияло на сохранение социокультурной идентичности и возрождение казачества.

В третьем параграфе второй главы «Военная служба в территориально-милиционных частях в 1920-х – 1930-х гг. как форма интеграции казаков в советскую систему» сделан анализ воспроизводства военно-культурной традиции казаков в середине 1920-х гг. и раскрыта роль территориально-милиционной системы для сохранения казачьей идентичности.

В СССР институт военной службы казаков оказался востребованным как властью, так и казачьей общностью. Каждая из сторон преследовала свои цели, способствуя развитию казачьей службы в советском государстве. Мы считаем, что результаты этого процесса можно разделить на прямые или ожидаемые и на косвенные, проявившиеся как последствия процесса вовлечения казачества при помощи института военной службы в советское строительство.

В 1923 г. в советском государстве формируется территориально-милиционная система прохождения военной службы. Система охватывала большое количество людей, способствуя не только их военному обучению, но и идеологическому. Казачество сразу привлекается к службе, его военный потенциал рассматривался как ресурс, который нужно использовать в новых социально-политических условиях. Определяются объективные и субъективные причины, по которым казаки были наиболее подходящим контингентом для территориально-милиционной системы. Отмечается сходство этой системы с прежней иррегулярной службой казачества. В качестве важной причины привлечения казачества к службе в территориально-милиционных частях называлось наличие у них специальных «природных» качеств, навыков кавалеристов, обусловленных культурной традицией и бытовыми условиями.

Представители военных структур учитывали возможности территориально-милиционной системы по привлечению казаков к службе и рассчитывали на то, что сохраняющиеся военно-культурные традиции будут способствовать приходу казаков в кавалерийские части. Казачья молодежь являлась желательным контингентом в силу сохранения традиций, обеспечивающих эффективное овладение военными навыками кавалеристов. Казачество со своей стороны также демонстрировало желание служить в территориально-милиционных частях. По принципам организации территориально-милиционная система была отчасти схожа с иррегулярной службой казаков в прошлом. Способствовала сохранению идентичности. Казаки охотно шли на службу. Об этом свидетельствовали материалы отчетов военных комиссаров документы партийных.

В 1924 г. в ходе реорганизации РККА территориально-милиционная система подготовки была в основном создана и начала давать первые результаты. Проведение в 1924–1925 гг. политики «Лицом к казачеству» и принятие резолюции «О казачестве» на апрельском 1925 г. пленуме ЦК РКП(б) способствовали

развитию территориально-милиционной системы в казачьих районах. Также территориально-милиционная система рассматривалась партийно-советскими органами как механизм советизации казачества. Территориальные кавалерийские формирования в казачьих районах характеризовались как инструменты, с помощью которых советская власть могла упрочить своё влияние здесь. Территориально-милиционной системе приписывалась также социальная функция для проведения модернизации общественной системы. Терармейцев предлагалось рассматривать как проводников основной политической линии в станице и вовлекать в советскую работу.

Ещё один аспект социальной привлекательности института военной службы – она позволяла казачеству адаптироваться в новых условиях. Возможность продолжать военную службу, особенно в территориально-милиционных частях означало сохранение культурной традиции и частичное воспроизводство прежней социокультурной системы. Военно-культурная традиция имела большое значение для казачества, и возможность ее сохранения обеспечивала налаживания диалога власти и социальной общности. Казаки стремились попасть в кавалерийские части, в станицах устраивались конные состязания, в которых принимали участие и представители старшего поколения. Власть предлагала такие традиции казачества, как любовь к военному делу, верховой езде, джигитовке поддерживать и развивать, так как они необходимы для кавалерийских частей. Обращалось внимание даже на семейно-воспитательную и праздничную сторону сохранения традиции.

Однако, по мере развития территориально-милиционной системы в казачьих районах проявились и ее негативные стороны: высокий процент бывших белогвардейцев и зажиточных казаков, нарушение классового принципа формирования территориально-милиционных частей, уменьшение представителей рабочего класса, рост числа «крестьянских настроений» в армии. Это потенциально создавало ситуации неустойчивости территориально-милиционных частей в условиях внеэкономического нажима на крестьянство по хлебозаготовкам и социальной дестабилизации. В казачьих районах не скрывали настроений по использованию территориально-милиционных частей против власти. Но в целом такие части продемонстрировали устойчивость в условиях внешне- и внутривнутриполитических кризисов.

Институт военной службы, и, прежде всего территориально-милиционная система стали удачной формой вовлечения казачества в новое общественное устройство. Территориально-милиционная система была воспринята казаками как «своя» отчасти потому, что она напоминала прежнюю иррегулярную систему службы, отчасти потому, что позволяла стать «своими» в новой социальной системе, доказав лояльность власти. При организации территориально-милиционной системы на казачьих территориях военное и партийно-советское руководство обращало внимание на традиционную военную культуру казачества, обращалось к военной традиции как к мировоззренческой основе, стараясь использовать ее как фактор воздействия на казаков.

Прямой стратегической задачей строительства территориально-милиционной системы являлось повышение обороноспособности советского государства.

Военный потенциал и военно-культурные традиции казачества были востребованы по своему прямому назначению. Они позволяли казакам быстро и эффективно адаптироваться в территориальных частях.

Однако развитие территориально-милиционной системы имело и незапланированный, побочный эффект – возрождение казачьих традиций, сохранение казачьей идентичности. Институт военной службы стал мощным фактором возрождения казачества в социальной системе советского общества. Традиции военной подготовки молодых казаков, хотя бы и в измененном виде, вновь стали актуальны и приветствовались властью.

В третьей главе «Факторы, формы и ресурсы возрождения казачества в советской системе в середине 1930-х – начале 1940-х гг.» исследована специфика политики власти в отношении казачества, определены факторы, влиявшие на развитие социальной общности, выявлены направления ее развития. Сделан анализ основных форм и институтов, через которые продолжалось включение казачества в советскую социально-политическую систему в середине 1930-х – начале 1940-х гг. выявлена роль культурных традиций как ресурсов социальной общности для ее адаптации и сохранения в новых условиях.

В первом параграфе третьей главы «Мероприятия партийно-советского руководства по созданию образа советского казачества в середине 1930-х гг.» раскрыто влияние кампании «за светское казачество» на процесс восстановления присутствия казачества в социально-политической системе советского государства.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в результате проведения кампании по хлебозаготовкам, коллективизации и раскулачиванию возникло социальное напряжение в обществе. Развивались пассивные и активные формы протеста против действий власти, наблюдался рост антисоветских выступлений. Казачество вновь оказывается под пристальным контролем власти. Проводился мониторинг настроений, выявлялись потенциально опасные группы (реэмигранты, кулаки, офицеры и пр.). Проводились аресты наиболее активных деятелей казачества. Однако организованного протеста в виде создания казачьих контрреволюционных организаций не произошло. Таким образом, казачество, хотя и демонстрировало недовольство проводимой политикой социалистической реконструкции народного хозяйства, не проявляла организованного протеста. В значительной мере оно к середине 1930-х гг. адаптировалось к советскому строю и рассматривалось властью преимущественно как часть колхозного крестьянства.

В середине 1930-х гг. вновь наблюдается корректировка политического курса. На юге России власть проявляет внимание к казакам, вновь начинают выделять их среди остального сельского населения. Нами определено, что действия власти, вызывая отклик населения, способствовали развитию социальных и культурных практик и в целом формировали направление развития социальной общности.

В качестве основных факторов, оказавших воздействие на развитие казачества в середине 1930-х – начале 1940-х гг. выступают: обострение международной обстановки, социально-политическая дестабилизация на Северном Кавказе, необходимость восстановления животноводства и особенно конского поголовья,

принятие новой Конституции СССР в 1936 г. В середине 1930-х гг. партийно-советское руководство в Северо-Кавказском, Азово-Черноморском и Нижне-волжском краях начинает серию мероприятий в отношении казачества. Основу составляет кампания в СМИ по продвижению нового образа советского колхозного казачества через материалы об успехах колхозного и советского строительства в казачьих станицах, хозяйственных достижениях казаков, результатах животноводческой кампании и особенно кампании по подъему коневодства на юге России. Много внимания уделяется культурным мероприятиям: конные переходы, праздники и парады с участием казаков-конников, участие казачьих ансамблей и хоров в смотрах самодеятельности и т.п.

Ярким примером агитационной идеолого-пропагандистской кампании по созданию нового образа казачества стала публикация материалов со Всероссийского совещания передовиков животноводства, на котором присутствовали казачьи делегации с юга России. В своих выступлениях они большое внимание уделяли новым настроениям среди казачества, полному принятию советского строя и готовности его защищать в случае необходимости. В нескольких статьях концептуального характера определялся советский колхозный статус казачества, его положение рассматривалось в контексте единства советского народа. В газетных материалах данного периода отмечались изменения, произошедшие с казачеством по сравнению с их прошлым пребыванием в состоянии военно-служилого сословия, эксплуатацией трудовых казаков и т.п.

Партийно-советское руководство Азово-Черноморского, Северо-Кавказского и Сталинградского краев с начала 1936 г. начало проводить мероприятия проказачьей направленности, задача которых одновременно заключалась в демонстрации советской природы казаков. Две основных идеи: принятие казачеством советского строя с его колхозной системой и готовность встать на защиту этого строя в случае войны будут регулярно озвучиваться в речах партийных и советских руководителей краев и областей юга России.

Мы считаем, что важным отличием данного этапа от предыдущего стал его демонстрационный характер. Демонстрацией стали конные походы казаков, которые имели выраженный военизированный характер, приемы казачьих делегаций у политических и советских руководителей, формировавшие образ власти в глазах казачества и казачества в глазах общественности. В числе других демонстраций того, что казаки стали неотъемлемой частью советского общества были: публичные одобрения проекта Конституции, благодарственные письма, регулярные публичные заявления о готовности встать на защиту Родины и пр. Много писали о казаках, как о могучем резерве Красной Армии. Подчеркивалось, что они борются за повышение урожайности, расцвет животноводства. Описывалась любовь казаков к коню и их стремление поднять коневодство в своих регионах.

Большое внимание уделяется на этом этапе пропагандистским мероприятиям культурной направленности. К числу таковых относились конные парады казаков, торжества и празднества с конно-спортивными состязаниями. Важной культурной формой, соединившей реконструкцию и конструирование традиции, стало создание казачьих хоров и танцевальных коллективов. Казачьи хоры ис-

полняли как старинные песни, так и с новой социально и политически актуальной текстовой. Символизм и демонстрационность в деятельности творческих коллективов казаков в контексте создания образа советского казачества проявлялись в нескольких форматах. Казачьи коллективы наряду с другими аналогичными творческими объединениями народов СССР олицетворяли единство советского общества. Единство старого и нового и одновременно преобразование старого, прошлого в казачьих ансамблях передавалось через разновозрастной состав участников, активное участие женщин-казачек в ансамблях. В материалах СМИ подчеркивалось, что участники казачьих ансамблей – передовые колхозники, стахановцы колхозных полей. Появились новые поэмы и сказы, в которых героями были красные казаки, колхозное казачество.

Проводимые мероприятия в отношении казачества в рассматриваемый период нельзя назвать системными. Напротив, они производят впечатление спонтанных действий советского руководства, удачно примененных в качестве инструментов по использованию социального потенциала казачества. Всё, что проводилось в отношении казаков в 1936 г., не создавало новых качественных характеристик социальной общности. Однако усиленная демонстрация советского характера казачьей социальной общности объективно способствовал тому, что образ казачества вновь вошел в повседневность юга России, закрепился в культурной сфере.

Во втором параграфе третьей главы – Военно-культурная традиция как социальный ресурс возрождения казачества в условиях социалистической модернизации середины 1930-х – начала 1940-х гг. выявлена устойчивость военной культурной традиции социальной общности, а также исследовано как посредством военной службы происходило сохранение казачьей идентичности.

Во второй половине 1930-х гг. в фокусе внимания власти и общества вновь оказывается военная служба казачества. В рассматриваемый период возникают новые формы сохранения и развития военной культуры и военных навыков казаков, а также складываются новые тенденции в военной сфере, которые привлекут внимание власти к казачьему вопросу.

Казачество публично демонстрировало стремление защищать советскую родину. Принимались совместные обращения представителей казачьих сообществ юга России к руководству страны, в газетах публиковались письма с заверением дать отпор любому врагу. Для государства приверженность казачества традиции военной службы означала возможность формирования из них мощного военного и социального резерва для службы в армии. В условиях усиливающегося международного напряжения для партийно-советского руководства страны была важно сформировать в советском обществе военно-патриотические настроения, а также убедиться в наличии общественных сил, готовых немедленно взять на себя заботу о защите страны. Темы патриотизма и защиты Родины становятся центральными в речах государственных и военных руководителей СССР при их обращениях к казакам.

В середине 1930-х гг. одним из важных механизмов развития военно-культурной традиции становятся клубы и кружки ворошиловских кавалеристов. Это

были организации, созданные по аналогии с кружками ворошиловских стрелков. Создаваемые в рамках кампании по военной подготовке советской молодежи к защите советской родины эти две организации имели сходную цель – привитие в массовом порядке советской молодежи навыков и умений военной службы. Особенность движения ворошиловских кавалеристов заключалась в том, что оно получило распространение в тех местностях, где культура народа могла служить базой для развития движения и отвечала запросам населения.

Для самого казачества клубы ворошиловских кавалеристов являлись удачной формой адаптации к советскому строю. Как и территориально-милиционная система, они способствовали сохранению важной составляющей культуры казаков, позволяли продемонстрировать власти свою лояльность и найти социальную нишу. Предоставленная казакам возможность развития военизированных игр, военной подготовки, обучения боевым навыкам стала способом сохранения своей культурной идентичности, во многом определяемой военной культурой. Кружки ворошиловских кавалеристов продолжали организовываться до 1940 г. и сыграли важную роль в пропаганде военной службы, формировании военных навыков и подготовке молодых казаков к службе, развитии патриотических настроений среди них.

Большое влияние на формирование общественных настроений и нового имиджа казаков оказало Постановление ЦИК СССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА» от 20 апреля 1936 г. В этот период предпринимаются шаги по формированию казачьих кавалерийских частей в рамках реформирования армии. В 1936 г. были сформированы пять казачьих кавалерийских дивизий. Две кадровые и три территориальные. Комплектование казачьих кавалерийских дивизий предписывалось производить со всего населения Дона, Кубани, Ставрополя и Терека. В развитии казачьей военной службы вновь проявилась важность традиции. Казачьим кавалерийским частям постарались придать внешнее сходство с их историческими образцами. Они комплектовались призывниками из регионов проживания казачества. В обмундировании этих частей воспроизводились исторические образцы одежды донцов, кубанцев и терцев. Было предложено комплектовать казачьи части по территориальному принципу. Это означало, что к каждому кадровому полку следовало прикрепить определенные полковые районы территориальных частей и создать, таким образом, боевые землячества. Все эти меры вызвали подъем среди качества.

В 1938 г. в рамках очередного этапа реформирования РККА территориальные казачьи кавалерийские части частично перевели на кадровое положение. Процесс завершился после принятия Закона о всеобщей воинской обязанности в 1939 г., который сыграл важную роль в реформировании Красной Армии и Военно-Морского Флота СССР. В 1940–1941 гг. большую часть кавалерийских частей, в том числе казачьих, расформировали, их личный состав передали в танковые и механизированные войска.

Вновь актуальной тема казачьих кавалерийских формирований стала с началом Великой Отечественной войны. Воссоздание кавалерийских частей отвечала задаче повышения мобильности Красной Армии. На юге России формирование кавалерийских дивизий происходило в основном на казачьих территориях. Всего

летом 1941 г. в СКВО было создано 17 кавалерийских дивизий общей численностью 50 тыс. чел. Из этих дивизий 9 было кубанских, 5 донских, 1 кубано-терская, 2 ставропольских, значительную часть их составляли казаки.

Формирование и комплектование военных частей осуществлялось быстро. Помощь в обеспечении военных соединений конским составом оказывали колхозы юга России. Такая организационная эффективность являлась следствием территориально-милиционной системы. Особое место в истории участия казачества в Великой Отечественной войне занимали добровольческие казачьи кавалерийские части в составе РККА. К особенностям их формирования и обеспечения относилось использование традиции выхода казаков на службу. Казаки этих частей должны были явиться на службу в конном строю и полностью обмундированные. Вопросы обеспечения добровольцев всем необходимым решали колхозы и совхозы. При формировании эскадронов казачьих кавдивизий нередко они укомплектовывались казаками из одного района, что соответствовало прежнему постановочному принципу комплектования казачьих частей. На 1941–1942 гг. приходится пик формирования и участия казачьих кавалерийских формирований в сражениях Великой Отечественной войны.

Специфика казачьих районов юга России учитывалась и при создании партизанских отрядов. В Центральном штабе партизанского движения рекомендовали включать в состав отрядов потомственных казаков. Подобное действие имело выраженную идеологическую подоплеку и демонстрировало населению и противнику, что казачество готово сражаться за свою Родину.

В контексте возрождения казачества главным итогом этого этапа стало укрепление институционализации казачества в социальной системе. В территориально-милиционной системе и в кадровой военной службе официально появились казачьи военные части. В культурной сфере создается имидж советских казаков. Особенностью данного этапа стало сочетание трансформации социального статуса, социальной роли, культуры казачества с конструированием новых характеристик, отвечающих новой общественной системе и интересам власти. Восстановление в социальной системе советского строя потребовало от казаков приспособления, в результате которого трансформировались их социальные и культурные практики. Итогом стала полная адаптация казаков к советскому строю, превращение их в советских граждан, но с сохранявшейся особой социальной идентичностью.

В послевоенный период усилилась тенденция, возникшая как результат политики большевиков по «растворению» казаков в общей массе советских граждан, что привело к значительной утрате ими социальной и культурной специфики. Культура казачества сохранялась как бытовая культура. Продолжалась ее унификация под стандарты советской культуры. В результате к 1970–1980 гг. культурные традиции казачьей социальной общности сохранились фрагментарно на бытовом уровне, но этнического сообщества не было, как и не было артикуляции своих особых казачьих интересов.

В четвертой главе «Возрождение казачества на юге России в конце XX – начале XXI в.: идеи, цели и акторы процесса» определена роль власти и

представителей социальной общности в развитии казачьего возрождения в постсоветский период. Выявлены ключевые идеи, определявшие направление возрождения, а также определены тенденции возрождения в 1990-х – 2000-х гг.

В первом параграфе четвертой главы «Движение за возрождение казачества на юге России в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: идеи и участники» выявляются предпосылки и причины начала казачьего возрождения, определяются участники и движущие силы процесса. Исторический период 1980-х – 1990-х гг. в России определяют, как период системной модернизации и трансформации. Распад прежних институтов, социальных форм советского общества и государства сформировал запрос на создание новых. Казачество, которое вновь появляется на исторической сцене в 1990-х гг., можно рассматривать как один из реализованных результатов такого запроса.

В качестве предпосылок возрождения выступают: активизация интереса к фольклору казаков, рост интереса к военной истории казачества, создание военно-исторических клубов, развитие казачьей тематики Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры, создание казачьих землячеств.

В 1990 г. в Москве прошел Учредительный круг и был создан Союз казаков. В 1990–1991 гг. на юге России происходил массовый рост общественных организаций, занимавшихся казачьей историей и культурой. Анализ данного процесса позволяет сделать вывод, что возрождение казачества в конце XX в. развивается на основе общественной инициативы, «снизу». В регионах юга России создаются организации историко-культурной направленности с казачьей тематикой. Ключевую роль в них играла интеллигенция. Деятельность этих организаций станет основой для создания казачьих организаций, участвующих в возрождении. Наибольшую интенсивность процессы возрождения имели в Ростовской и Волгоградской областях, в Краснодарском и Ставропольском крае. Активность проявили казаки-калмыки. Менее интенсивно и с некоторой задержкой развивалось возрождение в Астраханской области.

В качестве объективной причины формирования социального интереса к возрождению казачества выступал системный кризис СССР. Последствия кризиса проявились в социокультурной системе, затронув идентичность советских граждан. С распадом советской общественной системы прежние культурные формы и социальные роли потеряли свою актуальность, начался поиск новых. Практика возрождения показала, что казачество, как социокультурная форма, сохранявшаяся фрагментарно в 1950-х – 1980-х гг. оказалась очень востребованной в условиях кризиса идентичности у части советского общества.

Цели и задачи казачьих организаций позволяют определить и ключевые идеи возрождения. Это, во-первых, восстановление исторических традиций, популяризацию казачьей истории. Феномен возрождения предполагал обращение к историческим формам, которые создавали устойчивую основу казачества. История становилась полем деятельности казачьих организаций и одновременно инструментом развития казачества, способствуя восстановлению исторических форм бытия социальной общности. При помощи истории можно было символически восстановить прерванную связь передачи культуры между поколениями, «достроить прошлое» и возродить утраченную идентичность. Во-вторых, идея

возрождения культуры и традиций казачества. В совокупности с сохранением истории это составляло ценностный фундамент возрождения. Среди приоритетных задач деятельности казачьих организаций значились: необходимость обращения к духовным и культурным ценностям. В-третьих, восстановление исторической справедливости, реабилитация казачества как народа. Высокая значимость идеи была обусловлена историческими событиями Гражданской войны, репрессиями и расказачиванием. Развитие данной идеи имело отличительные черты в Астраханской области и в Республике Калмыкия. У астраханских казаков в силу их малочисленности и особенностей исторического формирования этническая идея практически не была выражена. У казаков-калмыков казачья этничность переплеталась с калмыцкой, возникал феномен двойной идентичности. В итоге казачья идентичность трансформировалась в субэтничность калмыцкого народа (калмыки-бузавы).

Большое значение для развития возрождения сыграла идея патриотического служения казаков Отечеству. Идея защиты государственных интересов формировалась в условиях кризиса российской государственности, роста негативных форм миграций, необходимости защиты местного населения.

Среди целей и задач казачьих организаций необходимо отметить: сохранение и возрождение казачьих традиций, осуждение репрессий в отношении казаков в первые годы советской власти, возрождение праздников и памятных дат казачьей истории, реставрация объектов культуры, восстановление традиционной хозяйственной системы, казачьего самоуправления, казачьих частей в структуре российской армии и т.д. Идея возрождения казачества нашла живой отклик в среде потомков казаков, у представителей самых разных социальных групп от советских и партийных руководителей до пенсионеров.

Во втором параграфе четвертой главы «Власть и казачество в условиях социально-политического кризиса и системной модернизации первой половины 1990-х годов» исследована роль власти, как актора процесса возрождения в первой половине 1990-х гг. Особенность взаимодействия власти и казачества в конце XX – начале XXI вв. рассматривается с точки зрения системной модернизации. Социально-политическая система в России находилась в состоянии системного кризиса и трансформации. Власть воздействовала на общественные институты и процессы, изменяя их в соответствии со своими новыми задачами.

Основным инструментом воздействия на казачье возрождение являлись нормативно-правовые акты, при помощи которых можно было конструировать форму и характер движения, а также статус казаков, создавать направления и рамки развития. В начале 1990-х гг. действия власти часто носили ситуативный характер. В связи с этим законы и указы федеральной и региональных властей, имели декларативный характер, реализация их была затруднена. Это хорошо просматривается при анализе введения в действие Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» № 1108-1, принятого Верховным Советом РСФСР 26 апреля 1991 г. Закон зафиксировал юридически казаков, но не давал им реальной возможности получить заявленные права и преференции.

Внесение казаков в перечень репрессированных народов свидетельствовало о поддержке казачьего движения властными структурами. В регионах принимались законодательные акты в отношении казачества, интерес власти к возрождению нарастал. Однако отсутствовало понимание, как определять казачество, как к нему относиться. Восприятие и характеристика казачьего движения в этот период основывались, на фрагментарных исторических представлениях о казаках. Чаще всего воспроизводился образ защитников Отечества. Конъюнктура этого образа отвечала потребности власти в поддержке со стороны общественных сил в сложной политической ситуации в стране. Власть рассчитывала на казаков как на прогосударственную силу. Однако сложившееся видение было противоречивым. Казаки представлялись и как сила модернизационная, демократическая, и как сила консервативная, способная сдерживать центробежные тенденции общественно-политической жизни.

Это противоречие отчетливо просматривается в формулировках документов властно-управленческих структур первой половины 1990-х гг. Здесь присутствуют казачьи традиции, в том числе служба, казачий патриотизм, казачья демократия, установка считать казаков репрессированным народом и т.п. парадоксальное сочетание социальных (квазисословных) и этнических характеристик возрождения. Это противоречие сохранялось в Указе Президента РФ «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов в отношении казачества» и в других документах данного периода.

Важным моментом в характеристики действий власти в первой половине 1990-х является поддержка конструирования традиции в возрождении. В Указе Президента РФ 1992 г. речь шла о возможности коллективного землепользования на основе общинного землепользования, атаманского правления в системе местного самоуправления, поддержке военно-сословной культуры. Казачьи общества могли брать на себя обязательства несения военной и иной государственной службы, устанавливалась прямая связь между обязательствами по несению службы и наделению казачьих обществ землей. Подобные установки на возрождение традиционных элементов жизнедеятельности казачества содержались и в других документах этого периода. Власть способствует конструированию казачества в качестве феномена с традиционной основой, но вписанного в современные модернизационные экономические, социальные и культурные процессы.

Противоречивое понимание казачества отразилось на разработке федерального закона о казачестве. Несмотря на многочисленные его варианты и обсуждения, закон так и не был принят. Проблема разработки статуса казачества будет спущена в регионы. Законотворческий процесс здесь демонстрировал и отношение власти и укорененность возрождения в социальных реалиях регионов юга России. Наиболее последовательно действовали в Краснодарском крае, где Закон Краснодарского края «О реабилитации кубанского казачества» был принят в 1995 г. В целом к середине 1990-х гг. проект этнического возрождения казачества постепенно сходит на нет. В государственной политике возобладала идея развития реестровых казачьих организаций с заданными функциями.

Исследование взаимодействия власти и казачества в первой половине 1990-х гг. даёт основание полагать, что государственная власть в этот период выступала активным субъектом происходившего процесса, инициировала принятие законов и программ развития казачества. Защищаясь от конфронтационных действий участников возрождения, либо напротив, выступая для них в роли заказчика той или иной деятельности, определяя форму участия в социальной и политической жизни страны, власть предлагала казакам формы взаимодействия. Задавая вектор развития казачьего возрождения власть часто выступала в качестве «инженера», создающего новый социальный феномен.

В третьем параграфе четвертой главы «Формы огосударствления казачества и смена вектора возрождения казачества во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.» сделан анализ изменений, произошедших в возрождении. В рассматриваемый период процесс возрождения выходит на качественно новый уровень. С одной стороны, выстраивается вертикаль управления казачьими организациями и формируется государственная политика как целостная, построенная на единых принципах система мер, с другой стороны, постепенно сворачиваются иные, альтернативные государственному пути развития казачества, происходит постепенный отход от тенденций предыдущего этапа постсоветского возрождения и усиливается конструирование служилых элементов.

С середины 1990-х гг. начинается планомерное создание структур, направляющих, регулирующих и контролирующих развитие казачества: Совет по делам казачества при Президенте Российской Федерации, Главное управление казачьих войск при Президенте Российской Федерации. В регионах планомерно создаются структуры в исполнительной власти, в задачи которых входит регулирование развития казачьих организаций. Принимаются документы, которые можно определить, как ключевые в плане формирования новой тенденции государственной политики в отношении казачества. Это Основные положения концепции государственной политики по отношению к казачеству (1994 г.), Указ Президента «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» (1995 г.) и Временное положение о государственном реестре казачьих обществ, Указ Президента РФ «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» (1996 г.) Они демонстрировали новое видение государством казачества, которое представало специфической общественной организацией с особыми задачами.

Важными, с точки зрения конструирования современного казачества, моментами были: 1) устойчивая аналогия с исторической службой казачества; 2) совпадение стремлений власти и казаков к огосударствлению и созданию вертикали управления казачьими обществами; 3) развитие направления государственной службы, в которой казаки видели возможность воспроизводства социокультурной системы.

В ряде государственных органов появились структуры, взаимодействующие с казаками. В числе таковых: Главное Управление Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Федеральная пограничная служба РФ, Государственный комитет Российской Федерации по охране окружающей среды и

др. С начала 2000-х гг. это взаимодействие трансформировалось. Вопросами развития казачества теперь занималось Минрегионразвития РФ. Ряд функций получили аппараты полпредов, при них в федеральных округах создавались общественные советы, занимавшиеся вопросами казачества. В Южном федеральном округе (ЮФО) такой совет с консультативной функцией был создан в 2000 г. В регионах в начале 2000-х гг. складывалась практика введения представителей казачьих обществ в структуры администраций и министерств, курирующих казачество.

Задавался новый вектор развития казачьего движения. Оно вводилась в рамки государственного контроля. Это приводило к конструированию новой формы и содержания казачьего возрождения. Об этом свидетельствовали и принимаемые в конце 1990-х – начале 2000-х гг. программы, концепции и законы о развитии казачества. Как уже говорилось, в ключевых документах, принятых во второй половине 1990-х гг., государственная служба казачества определялась властью в качестве приоритетного направления развития казачества. Ключевым документом являлся Указ Президента «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» (1995 г.) и Временное положение о государственном реестре казачьих обществ, а также Указ Президента РФ «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» (1996 г.). Виды казачьей службы были серьезно модифицированы и расширены. Наряду с их историческими формами (военная служба) появились новые, такие как участие в егерской, природоохранной и экологической службе. Данные виды службы являлись современным конструктом, создаваемым исходя из современных потребностей государства.

В начале 2000-х гг. политика власти в отношении казачества постепенно эволюционирует в сторону усиления государственного влияния на казачество, основное внимание уделяется службе, увеличивается властно-регулятивная функция государства в отношении казачества. В период с 2005 г. по 2012 г. в отношении казачества были приняты ключевые документы, которые создали новые рамки развития казачества, определили его долгосрочные цели и перспективы развития, фактически завершили с организационно-правовой точки зрения возрождение казачества. Это Федеральный закон «О государственной службе российского казачества» (2005 г.) и Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества (2008 г.). Большая часть задач этих документов была направлена на развитие службы казачества. В 2011 г. началась разработка Стратегии развития государственной политики в отношении казачества. Документ предполагал разработку практических шагов, определение ключевых этапов, направлений, принципов, эффективных методик развития казачества. В окончательном варианте Стратегия, которая была принята в 2012 г., продемонстрировала ориентацию власти на развитие казачества как социальной группы с заданными функциями службы. Положения о сохранении казачьей самобытности, культуры и др. были минимизированы. Казачество предлагалось привлекать к решению государственных и муниципальных задач.

Итак, роль власти в разворачивании процесса казачьего возрождения в России была весьма значительна. Однако характер этого участия изменялся на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. К концу 1990-х гг. власть от ситуативных решений перешла к планомерному огосударствлению казачества, вводя систему государственной и иной службы казачества. Это оказало серьезное влияние на процесс, практику реконструкции исторических форм полностью сменило конструирование. Вместе с тем, в основе возрождения сохранилась ориентация на прошлое, идея возрождения традиции осталась в законодательных документах второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. В определенной мере власть способствовала усилению традиционализма. При создании реестровых организаций была по сути воспроизведена ситуация казачьих войск к началу XX в. В целом возрождение развивалось при взаимодействии двух ведущих акторов, которые активно создавали новое казачество, опираясь на историческую основу.

В главе пятой «Факторы и ресурсы казачьего возрождения конца XX – начала XXI в.» определено влияние исторической памяти социальной общности на актуализацию идеи казачьего возрождения, выявлены возможности культуры, как ресурса возрождения и раскрыто значение этнической идеи для формирования идентичности и развития возрождения.

В первом параграфе пятой главы «Роль исторической памяти в формировании и развитии казачьего возрождения» историческая память казачества как социальной общности рассматривается в контексте ее возможностей по формированию идентичности и мобилизации общности. Выявляются ключевые идеи исторической памяти, которые формировали повестку политики памяти в возрождении.

Возрождение казачества в 1990-х – 2000-х гг., по сравнению с возрождением казачества в советский период имело важную особенность – исторический разрыв в несколько десятилетий в существовании казачества как социальной общности. Интерес к истории и культуре, возникший во второй половине 1980-х гг. активизировал коллективную память социальной общности, общее прошлое стало основой консолидации и противостояния дезинтеграционным процессам конца XX в. Поиск новой идентичности взамен советской способствовал обращению потомков казаков к своим историческим корням.

«Работа» памяти интенсивно происходила в исторических клубах казачьей направленности, организациях, деятельность которых была нацелена на сохранение культурного наследия казаков (восстановление памятников, пропаганда литературных произведений о казаках и т.п.). Наблюдалась попытка исторической реконструкции отдельных элементов жизнедеятельности казаков (приобщение к коню, конные переходы). Большое значение имела военно-историческая тема, поскольку и в истории, и в памяти социальной общности казаки фигурировали как воины, защитники Отечества. Особое значение имел формат «раненой памяти», сформировавшийся под воздействием трагических событий Гражданской войны и периода установления советской власти. Повышенный интерес к этим событиям прошлого становился той причиной, по которой люди присоединялись к движению за возрождение казачества. Обращение к памяти отражается на воспроизводстве традиционной культуры казачества. Ключевым в развитии

процесса культурной репрезентации становится принцип «не забыть и не потерять прошлое». Итак, главным мотивом деятельности всех казачьих организаций являлось возрождение и сохранение истории и культуры казачества.

Работа памяти в начальный период казачьего возрождения проявилась как ретроспекция, стремление воскресить прошлое в настоящем. Оно было обусловлено историческим разрывом в существовании казачества в советский период и устойчивым представлением о том, что был утрачен особый казачий мир. Для восполнения этой утраты нужно внести прошлое в нынешний день.

В работе памяти проявляются несколько направлений. Первое – воспоминания о понесенных жертвах и страданиях казачества в период установления власти большевиков, актуализация памяти-травмы и создания образа жертвы. Происходила фокусировка памяти социальной общности на нанесенных ей обидах со стороны советской власти. С работой памяти-травмы связано и повышенное внимание к истории Гражданской войны и участия в ней казачества на юге России. Память-травма усиливала то направление возрождения, которое было связано с реабилитацией казачества, получение статуса репрессированного народа. В этом пространстве памяти формировался пантеон исторических личностей периода Гражданской войны, календарь памятных дат, главной из которых являлось 24 января, дата начала репрессий в отношении казачества на Дону.

Второе направление – актуализация памяти о героической истории казачества, его роли воинов и защитников государства. Первоначально здесь наблюдалось определенное противоречие. В одном ряду исторической памяти оказывались и «строители государства», «защитники Отечества» такие как Ермак, М.И. Платов, и бунтари-разрушители этого государства, такие, как К. Булавин, С. Разин, Е. Пугачев. Но со временем подбор исторических личностей и событий стал более четким и определенным. Приоритет был отдан героической патриотической теме защиты Отечества, а также интеграции территории российского государства. В рамках этого направления выделяются исторические события и личности, патриотический характер которых был безусловным. Одним из таких событий являлась оборона донскими казаками крепости Азов («Азовское сидение») 1637–1642 гг. Оно было одним из наиболее ранних исторических событий, выполняющих мемориальную функцию. Его характеристика в российской истории имела выраженный патриотический характер и это способствовало конструированию образа казаков, как верных защитников Отечества. Однозначно положительно, в патриотическом контексте воспринималась Отечественная война 1812 г. и другие события военной истории XIX в.

Исторические нарративы, образы и символы становились важным ресурсом политики памяти возрождения, в рамках которой разрабатывалось два направления. Первое направление – увековечение памяти о страданиях и жертвах казачества в период Гражданской войны, и впоследствии от действий большевиков. Это позволяло обосновывать статус народа-жертвы. Второе направление – это воскрешение памяти о казаках, как о воинах – защитниках Отечества, создание особого пространства памяти, в котором обосновывалась роль казачества в со-

временной российской общественной систем. Оба направления были представлены в документах казачьих обществ в виде декларативных положений, предложений и требований казаков.

В 1990-х гг. власть также выстраивает свою политику конструирования «образов прошлого» в отношении казачества. Хотя активных действий в формировании политики памяти и пространства памяти в отношении казачества власть не предпринимала, однако поддерживала развитие казачьих фольклорных коллективов, крупных музейных комплексов, например, в г. Старочеркасске, в ст. Вешенской, связанной с именем писателя М.А. Шолохова. В связи с этим более определенным становится и исторический образ казака в интерпретации представителей власти. Казак – это православный воин, защитник Отечества, истинный патриот. Особое внимание уделяется военной истории казачества, его участию в сражениях за интересы России. Точки зрения власти и участников возрождения на исторический образ казака совпадали.

Формируется модель памяти, основанная на двух идеях. Первая идея базировалась на признании казаков репрессированным народом, жертвой, в отношении которой должен быть восстановлен принцип справедливости. В основе второй идеи лежало признание казаков верными слугами Отечества, его защитниками и строителями, роль которых в деле возрождения былого могущества страны очевидна. Первая идея позволяла формировать образ жертвы. Вторая – политически актуальные мифы, обосновывавшие необходимость присутствия казаков в современных социально-политических реалиях.

В 1990-х – 2000-х гг. происходили изменения в повестке политики памяти. Тема трагедии казачества в период Гражданской войны постепенно уходит на второй план. Причиной является как усиление вектора службы в казачьем возрождении, так и формирующееся резко отрицательное отношение в обществе к тем историческим фигурам в казачестве и не только в нём, которые сотрудничали с нацистской Германией. Тема участия казачества в войнах по защите интересов Российской империи и советского государства, напротив, усилилась и в повестке исторической памяти в 2000-х гг. она становится преобладающей.

Во втором параграфе пятой главы «Развитие этнонациональной идеи в казачьем возрождении в 1990-х – 2000-х гг.» рассмотрены формы проявления этнонациональной идеи в возрождении и ее влияние на развитие процесса и формирование идентичности казаков. Национальная и этническая идеи при определённой схожести имеют различия в формулировках и проявлениях. Применительно к постсоветскому возрождению в большей степени выражена этническая идея (признание казаков народов), но прослеживаются идеи формирования политического интереса казачества.

Ключевым вопросом казачьего возрождения был вопрос – что возрождать? Идея этнического возрождения, абсолютно чётко определилась уже в первых уставных документах казачьих организаций и в документах первых казачьих форумов. Ее историческая основа обнаруживается в начале XX в., когда формировались первые националистические организации на Дону и Кубани. Затем она развивалась в период Гражданской войны, на Дону проявляясь как казачий шо-

винизм. В эмиграции была сформулирована как доктрина «Казакция» –самостоятельное казачье государство, в которое должны были войти территории казачьих войск юга России.

Этническое возрождение казачества в 1990-х гг. происходило в рамках нового этапа мобилизации националистической идеи, которая вновь оказалась востребованной в различных странах и в России в конце XX в. Сущность этого явления заключается в значительном повышении роли этничности в общественных процессах, возрождении интереса к этнической культуре, языку, обычаям, традициям, образу жизни на фоне нарастающей интернационализации экономической и социально политической жизни, глобализации.

Приобретение казачьим возрождением в первой половине 1990-х гг. характерных черт этнического возрождения было связано, в первую очередь, с формированием идентичности. Одновременно среди участников движения распространяется националистическая идея, связанная с восстановлением/формированием собственных казачьих административно-территориальных образований и приоритетных политических прав казаков в рамках этих образований. Большое влияние на это оказал закон о реабилитации репрессированных народов. Внесение казаков в число репрессированных народов значительно усилило этническую сторону возрождения. В уставных и программных документах практически всех казачьих организаций в начале 1990-х гг. присутствует положение об этническом возрождении. Эта идея была закреплена в Декларации казачества России, которая принималась на первом Совете атаманов Союза казаков в 1990 г. Таким образом, данная идея разделялась практически всеми казачьими общностями.

Вместе с тем многочисленные исследования показали, что, в отличие от участников возрождения, входивших в казачьи организации и имевших сильную мотивацию, казаки, как широкая социальная общность, имели слабо выраженную этническую идентичность. Как этническая общность (или общности) они не формулировали свои интересы. В период возрождения это стали делать представители казачьих организаций, которые далеко не всегда являлись выразителями мнений всего казачьего сообщества на территории того или иного субъекта Российской Федерации. Противоречивое представление казаков о себе отчетливо проявилось и в определениях – «кого считать казаком» и «кто может состоять в казачьем обществе». Это могли быть и потомки казаков, и те, чья деятельность была связана с казачеством, и активно участвующие в возрождении и т.п.

В начале 1990-х гг. у власти также присутствовала вариативность определения казаков. Этнические характеристики смешивались с социальными. Особое противоречие создавалось при сравнении количественных данных членов казачьих обществ на начало 2000-х гг. и результатов Всероссийской переписи населения 2002 г. и 2010 г. Большой разрыв в этих данных говорил о низкой этнической самоидентификации даже у участников возрождения – членов казачьих обществ. Относительно низкий уровень этнической идентичности был зафиксирован и в исследованиях Минрегионразвития 2008 г.

Казачьи атаманы и некоторые активисты казачьего движения в начале 1990-х гг. пытались развивать и пропагандировать этнонациональную консолидацию

казачества для защиты своих интересов. Однако такая пропаганда нередко принимала характер этнического экстремизма. В условиях нараставшего этнического экстремизма и сепаратизма в республиках Северного Кавказа, этнонациональные идеи казаков, выраженные в конфронтационной форме, не могли быть поддержаны властью.

Для развития этнической идеи и конструирования народа важным является наличие интеллектуалов, готовых развивать данную идею. Среди казаков в 1990-х гг. не нашлось интеллектуалов, способных оформить и развить этнонациональную идею в приемлемой и жизнеспособной форме. В начале 1990-х гг. дискуссия об этнической или сословной природе казачества развернулась в среде ученых. Эта дискуссия напрямую связана с ходом возрождения казачества. В палитре оценок научным сообществом общим являлась то, что этническая компонента казачества определялась в рамках конструктивистского подхода. Для этнической идеи возрождения это могло сыграть положительную роль. Такой подход позволял в условиях современности сконструировать казачий народ. И лучше всего это могло получиться в сфере образования и воспитания молодых казаков.

В 1990-х гг. в образовательно-воспитательном пространстве России появился феномен казачьих школ и казачьих кадетских корпусов, позволявших реализовывать казачий этнокультурный компонент. В качестве проблем развития этнокультурного образовательного пространства можно назвать: этническую стилизацию образовательного процесса, отсутствие выраженной необходимости, восприятие этнокультурной традиции учащимися как экзотики.

В развитии этнонациональной идеи казачества можно выделить как объективные, так и субъективные причины. В качестве объективных причин следует назвать развитие этнонационализма как ответа на процессы глобализации, а также кризис советской идентичности и развитие этнонационализма в республиках Российской Федерации. В качестве субъективных причин можно назвать стремление определенной части участников казачьего возрождения реализовать идею «казаки – народ» как для достижения определенных политических целей, так и для восстановления исторической справедливости.

В третьем параграфе пятой главы «Культурные ресурсы возрождения казачества в конце XX – начале XXI вв.» изучено влияние культурной традиции на возрождение и выявлены новые формы казачьей культуры.

Феномен возрождения предусматривал обращение к историческим культурным формам и перенос их в настоящее. Это с одной стороны, означало поиск и выборку таких форм в разных исторических эпохах, и часто их эклектичное сочетание. С другой стороны, культурные формы в новых условиях трансформировались. Часто формирование культурно-символического пространства выглядело как «изобретение традиции».

Можно выделить следующие тенденции культурного развития в возрождении. Первая – восстановление, реконструкция и аутентичное воспроизведение различных культурных форм казаков. В число реконструируемых историко-культурных элементов и культурных традиций попали исторические образцы казачьей одежды, военная форма. Организационно-управленческие системы казачьих обществ копировали исторические институты, такие как круг, атаман, совет

стариков и пр. Кроме этого, популярность набирала реконструкция ряда ритуалов, например, ритуал проводов казаков в армию или даже такой ритуал как наказание в виде порки нагайкой. Реконструируемые элементы играли роль маркеров, обозначающих исторические основы казачьего возрождения. Таким образом, историческая культура становилась ресурсом для возрождения социальной общности. Вторая – конструирование новых культурных форм, «изобретение традиции». Изобретение приветствия казаков, различных ритуалов при проведении казачьих кругов, Всемирных конгрессов казаков. Приобретение казачьим фольклором эстрадной формы. Древняя традиция утрачивала свое символическое значение и превращалась из значимого культурного элемента социальной общности в карнавальный элемент. Примером может служить здесь воспроизведение у донских казаков средневеково ритуала выбора атамана с раздеванием и сечением нагайкой.

В попытках использования культуры как ресурса возрождения проявилась серьёзная проблема. Традицию можно было реконструировать, но вернуть ей прежний смысл невозможно в силу изменившихся условий жизни. В итоге традиционная культура музеефицировалась, утратив во многом своё символическое значение для социальной общности. Развивается карнавальность культуры.

Эклектичное сочетание архаизмов и «новоделов» в возрождении свидетельствовало о разрыве в передаче культурной традиции. Преодоление этого разрыва в возрождении приводило к появлению вторичных форм культуры: создание новых праздников, эстрадный характер фольклора и др.

В шестой главе «Социальные и хозяйственные практики казаков юга России в конце XX– начале XXI в.: использование традиций в новых условиях» выявлена роль традиции в создании систем казачьего самоуправления, хозяйственной деятельности и развития института военной службы казачества. Раскрыта ситуация конструирования новых характеристик с использованием традиционных форм.

В первом параграфе шестой главы «Роль исторических форм организации и самоуправления в казачьем возрождении» анализируется практика реконструкции исторических форм самоуправления и конструирование новых форм с учетом новых условий.

К числу элементов, подлежащих, с точки зрения участников движения за возрождение казачества обязательному восстановлению, относился институт традиционного казачьего самоуправления. При формировании институтов управления и самоуправления ярко проявляется важнейшая черта возрождения – попытка переноса исторических форм в условия современности: собрания казачьих обществ именовались кругами, руководители организаций атаманами, действовали советы стариков и т.п. Все это имело важное символическое значение. Восстановление главных элементов культурной системы казаков и связывало их с прошлым, подчеркивало историческую преемственность.

В начале 1990-х гг. наблюдаются попытки исторической реконструкции системы атаманского правления в станицах и хуторах. Власть признавала за казачеством право на возрождение традиционных систем самоуправления. В южно-

российских регионах разрабатывались законодательные документы по восстановлению хуторского, станичного, районного (юртового), окружного территориального самоуправления в традиционных для казачества формах. Было предпринято несколько попыток воссоздания исторической формы такого самоуправления. Однако попытки были неудачными и не получили поддержки со стороны общества.

Другим направлением стало конструирование казачьего самоуправления через новую организационную форму – казачье общество, которое представлялось как форма воссоздания системы казачьего самоуправления в рамках системы территориального общественного самоуправления граждан. ТОСы рассматривались как возможное совмещение органов местного самоуправления и атаманского правления в местах, где казачество составляет большинство населения. Но и здесь реальных результатов достичь не удалось. Несмотря на то, что ряд функций реестровых казачьих обществ были похожи на функции органов местного самоуправления, представить казачьи общества как органы самоуправления оказалось затруднительно. Причинами являлись: ограниченный количественный состав обществ, гендерный характер, слабая этническая идентичность казачьего населения, что снижало возможности казачьих обществ представления своих интересов.

Во второй половине 1990-х – 2000-х гг. проявилась тенденция «сращивания» казачьего самоуправления с региональными системами управления на юге России. В административные структуры разного уровня вводились представители казачьих обществ. В отношении крупных казачьих структур войскового уровня постепенно сформировалось правило вхождения войскового атамана в административно-управленческую верхушку региона. Сформировавшуюся тенденцию можно характеризовать, как «показачивание» систем регионального управления и самоуправления муниципальных образований, так как она не только позволяла казакам входить во власть, но и предоставляла определенные возможности использования современной системы регионального и муниципального управления для решения вопросов казачьего возрождения.

Ещё одним важным аспектом возрождения являлось восстановление казачьих войск как исторической формы организации. В начале 1990-х гг. была высказана идея восстановить целостность казачьих территорий в рамках административных единиц. Это привело к тому, что в ряде субъектов РФ на юге России территории начали считать историческими территориями проживания казачества. Произошла их маркировка как казачьих. В казачьем возрождении получают развитие идеи ирредентизма.

Другим направлением станет конструирование территории через войсковые казачьи общества. На юге России будут созданы войсковые реестровые казачьи организации, которые воспроизводили свои исторические аналоги – казачьи войска. Границы их деятельности совпадали с границами исторических прототипов. Однако в отличие от казачьих войск казачьи войсковые организации не были территориально-административными субъектами. Они по статусу оставались общественными организациями.

Во втором параграфе шестой главы «Традиция как основа казачьей военной службы в конце XX века» раскрывается роль казачьей службы как ключевого института возрождения, а также исследуется ситуация, когда реконструкция традиционного института заменяется конструированием новых форм его.

Военная служба в советский и постсоветский период оставалась феноменом, к которому сохранялся стойкий интерес и у казаков, и у государства. Казачья культура является культурой воинской мужской. С военной тематикой и службой связаны у казаков многие обряды и традиции. Военно-культурная традиция сформировалась у казаков намного раньше наделения их военно-служилыми сословными функциями, можно говорить о том, что именно она являлась системообразующим элементом для развития социокультурной системы социальной общности.

Лидеры казачьего возрождения и рядовые участники движения, обосновывая необходимость возрождения института военной службы, определяли желание казаков выполнять военно-служилые обязанности как имманентное качество: «Казак рождался воином». В организации и деятельности казачьих организаций с начала 1990-х гг. определяются черты военной культуры: военизированный антураж казачьих кругов, форма, казачьи военные звания, система ранжирования, аналогичная военной, приведение казаков к присяге и др.

Возрождение военной службы было поддержано как участникам казачьего возрождения, так и властью. Выстраиваются тесные контакты между казачьими организациями и военными ведомствами. Причинами, по которым казачество как военная сила, вновь оказывается востребованной со стороны власти являлись: дестабилизация социально-политической обстановки на Северном Кавказе, проблема контроля государственной границы, снижение боеспособности армии в следствии негативных процессов (дедовщина, дезертирство). О значении службы говорит тот факт, что она рассматривалась как метод реабилитации казачества. Власть признавала, что служба способствовала приобретению казачеством особых черт.

В начале 1990-х гг. выходили документы, которые формировали нормативно-правовую и организационно-структурную основу государственной службы казачества. Это, прежде всего, Указ Президента, определявшего порядок и направление реформирования военных структур, а также поддержку казачества в Северо-Кавказском регионе (1993 г.). Документ предусматривал создание в аппаратах Министерства обороны Российской Федерации, Министерства безопасности Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации структур по делам казачества. Планировалось создание казачьих частей и прохождение в них службы казачьей молодежи.

После формирования системы реестровых казачьих обществ государственная служба казачества становится для них главной задачей. Несмотря на то, что виды службы определялись предельно широко (сюда входили даже производство и поставка сельскохозяйственной продукции) именно военной службе уделялось наибольшее внимание. Рассматривая реестр как положительную меру в

отношении развития казачьей службы, представители казачьих обществ активизируют деятельность в направлении организации взаимодействия с армейскими и пограничными структурами, получая одобрение и поддержку власти.

Расширяется перечень военных частей с наименованием «казачья». Определяется порядок призыва в эти части казачьей молодежи из определенных войсковых обществ. Был реализован эксперимент по развитию казачьей пограничной службы. Однако данная практика не была вполне успешной по ряду причин: она не соответствовала правовым положениям организации призыва, количество призывников казачьих организации было недостаточным для наполнения частей, казачьи общества не могли участвовать в судьбе своих призывников, сложно оказалось воспроизвести казачьи приграничные поселения-заставы по аналогии с их историческими образцами. Таким образом, традиционный формат военной службы казачества не мог быть реализован. Власть пошла по другому пути, дав название военным частям «казачьи», что имело, прежде всего символическое значение. Более перспективным являлось участие казаков в охране государственной границы. Удалось достигнуть определенных результатов, но массовым явление не стало.

Самой перспективной и востребованной формой службы казачеств в итоге оказалась организация муниципальных казачьих дружин. Несмотря на определенное сопротивление казаков поначалу развитию данного направления (возникли исторические ассоциации с казаками-нагаечниками начала XX в.), данная форма службы прижилась. Ее особенно хорошо принимало население в отдаленных сельских местностях, где был острый недостаток в правоохранительных органах, не хватало участковых. Окончательно направление государственной и иной службы казачества возобладавало с принятием закона о государственной службе российского казачества (2005 г.).

В третьем параграфе шестой главы «Современные практики хозяйственной деятельности казачьих обществ и их влияние на процесс возрождения казачества на юге России» проанализированы попытки восстановления традиционных форм хозяйственной деятельности и определены тенденции в развитии этого направления возрождения казачества. Попытки исторической реконструкции казачьего мира в конце XX – начале XXI в. затронули и систему хозяйствования казаков, сформировав запросы на ее восстановление в том виде, в котором она существовала в начале XX в. Прежде всего, речь шла о возрождении традиционного казачьего общинного землевладения и землепользования, которое рассматривалось как «родовой» элемент казачьей культуры. Уже в начале 1990-х гг. первые казачьи организации формулируют цели и задачи хозяйственном развитии. Формы и методы хозяйствования нередко понимались как сочетание общинных традиций (юртовые земли, общинное обихаживание) с современными формами землепользования (кооперативы, акционерные общества). О развитии традиционных общинных форм землевладения и землепользования говорилось и законодательных документах начал 1990-х гг.

Из традиционных форм землепользования в 1990-х – 2000-х гг. были воссозданы земельные фонды для казаков, членов казачьих обществ. Попытка воссо-

здания казачьих хуторов с соответствующей системой хозяйствования не удалась. В системе казачьего землепользования в 1990-х – 2000-х сформировался комплекс проблем, затруднявших его реализацию. В числе таковых были: недостаточная правовая обеспеченность процесса, сформированной институт частной собственности на землю, отведение казакам неудобной земли, развитие института субаренды, недостаточная активность казачьих обществ.

Новыми формами экономической деятельности казачьих обществ стало участие их представителей в акционерных обществах и других современных форматах, развитие фермерства, создание малых предприятий, создание казачьих банков и т.п. Казаки производили сельскохозяйственную продукцию, организовывали конноспортивные конюшни, осуществляли пошив казачьей традиционной одежды и формы, создавали производственные комплексы по переработке кожевенного сырья, пошиву одежды и обуви и др. особенно активно это развивалось в Краснодарском крае, Ставропольском крае, Ростовской и Волгоградской областях. В начале 2000-х гг. сокращается количество направлений деятельности. Казачество в большей мере ориентируется на службу.

Попытки казачьих обществ развивать современные рыночные формы деятельности сами для себя являлись весьма противоречивыми. С одной стороны, они должны быть вписаны в новую экономическую реальность, с другой стороны предполагалось опираться на традицию, культурную специфику и т.п. В итоге сами общества, являясь некоммерческими организациями, нередко не могли заниматься такой деятельностью. Развитие же тех или иных видов деятельности отдельными казаками – фермерами, индивидуальными предпринимателями и т.д. не соответствовало принципу общинности и коллективизма казачьих обществ. иными словами совместить традицию с новой экономической ситуацией не получилось. Это заставило казачьи общества сконцентрировать свое внимание на других видах деятельности, которые в меньшей степени противоречили культурной традиции и напоминали элементы прежней социокультурной системы казаков.

В Заключении обобщены результаты диссертационного исследования.

В возрождении казачества в XX веке выделяются два периода, существенно отличающихся друг от друга по протяженности и качественным характеристикам. Первый период возрождения казачества охватывает середину 1920-х – начало 1940-х гг. Он разворачивается в контексте системной модернизации и масштабных трансформаций социально-экономической и политической систем советского государства. Определение развития социальной общности как возрождения казачества обусловлено тем, что в начале 1920-х г. власть проводила политику расказачивания, казаки практически не участвовали в социально-политических процессах, были лишены возможности поддерживать свой социальный статус.

Осуществление политики «Лицом к казачеству» изменило ситуацию. Казачество вновь появляется и как социальный феномен, и как объект большевистской политики. Оно вновь проявляет сплоченность и осознанный социальный интерес. В основе его развития лежит трансформация традиционных элементов, которые адаптировались к новым условиям. Начало возрождения можно отнести

к 1924 г., когда формирование новых политических установок в отношении социальной общности. Высшей точкой здесь является принятие резолюции Пленума ЦК РКП(б) «О казачестве». Мероприятия власти привели к возрождению казачества в социальной структуре советского общества. Были частично восстановлены его самобытные культурные черты, отдельные традиции вписаны в новые условия жизнедеятельности социальной общности. Завершением периода можно считать 1927–1928 гг., когда специальные меры по интеграции казаков в советскую систему практически завершились.

Как объект и субъект социально-политических процессов, казачество сохранялось до 1940-х гг. Политика большевистской власти периодически акцентировалась на казачьем вопросе. На этапе середины 1930-х – 1940-х гг. казачество вновь стало объектом внимания власти. Данный этап носил характер демонстрационной кампании, важнейшее значение имели мероприятия, которые показывали всем, что казачество стало советским. Востребованность казачества и его активность в период Великой Отечественной войны проявилась в формировании специальных казачьих военных формирований.

Следующий период казачьего возрождения охватывает 1990-е – конец 2000-х гг. Важной особенностью данного периода был значительный разрыв в трансляции культурной традиции и идентичности социальной общности. Это обусловило процесс конструирования культурных форм и «изобретение традиции».

Первый этап начался в 1990 г. и продолжался до 1994 г. В этот период сформировались ключевые идеи и направления возрождения казачества. Это было «движение снизу». Наиболее активно оно происходило в местах традиционного проживания казачества, а также в крупных городах. На первом этапе постсоветского периода возрождения главными направлениями стали: попытка восстановления традиционных элементов социокультурной системы казачества, конструирование этнической идентичности, развитие казачьего образования с выраженным этническим компонентом. Налаживание диалога с властью имело двоякий характер. С одной стороны, казаки пытались получить политические и экономические преференции, как репрессированный народ, на территориях традиционного проживания. С другой стороны, демонстрировали прогосударственные настроения, выступали против центробежных тенденций в государственной системе, показывали готовность нести военную службу и выполнять другие задачи. С 1995 г. начался новый этап развития возрождения, который можно определить, как огосударствление, встраивание большинства казачьих обществ в систему, управляемую и контролируруемую государственными органами. Это сопровождалось развитием правового поля, определением четких функций тех казачьих обществ, которые входили в государственный реестр и принимали на себя обязательства по несению государственной службы, формированием иерархии управления казачьими обществами. Главной тенденцией возрождения становится развитие государственной и иной службы казачества, которая окончательно возобладала с принятием в 2005 г. Закона о государственной службе российского казачества и Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества в 2008 г.

В этот период государство сохраняло свои позиции актора возрождения, оказав большое влияние на направление развития процесса, его организационное оформление, институционализацию. Государство активно участвовало в конструировании казачества, при его участии происходило наполнение традиционных форм его социокультурной системы новым содержанием, а также появлялись новые формы жизнедеятельности.

В рамках данного периода были сделаны попытки восстановления всех исторических элементов казачества: культурных традиций, военной службы, системы местного самоуправления, казачьих кадетских корпусов как институтов казачьего образования и воспитания, традиционных хозяйственных практик. Возрождение было обращено в прошлое и опиралось на традицию и историческую память.

Анализ казачьего возрождения в середине 1920-х – начале 1940-х гг. и в 1990-х – конце 2000-х гг. показал, что оба периода начинались в условиях системного кризиса, трансформации и модернизации социально-экономической и политической систем. В данных условиях казачество продемонстрировало устойчивость социальной формы, способность к длительной самоорганизации и сохранению идентичности. Оно успешно интегрировалось в новые социальные условия. Социокультурные формы казачества, особенно военная служба, в условиях кризиса оказывались востребованными со стороны государства. Это способствовало успешному возрождению казачества в трансформирующихся социальных системах советского и постсоветского государства.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ СОИСКАТЕЛЯ:

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Рвачева О.В. Донское казачество XXI века. Конструирование социального феномена // Вестник Южного научного центра РАН. Ростов н/Д, 2009. Т. 5. № 3. С. 89–95 (0,8 п.л.).

2. Рвачева О.В. Всемирные конгрессы казаков: рождение традиции // Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск, 2009. № 1 (23). С. 464–472 (0,7 п.л.).

3. Рвачева О.В., Рыблова М.А. Тенденции развития систем казачьего управления на территории Войска Донского (XVIII – XX вв.) // Власть. 2009. № 4. С. 136–139 (0,3/0,6 п.л.).

4. Рвачева О.В. Власть и казачество на Юге России в конце XX – начале XXI в.: от конфронтации к сотрудничеству // Власть. 2010. № 5. С. 143–147 (0,5 п.л.).

5. Рвачева О.В. Социальная память и история. Попытки методологического анализа казачьего возрождения // Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск, 2013. № 3. С. 374–380 (0,6 п.л.).

6. Рвачева О.В. Создание советского казачества на Юге России в середине 1930-х – начале 1940-х гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 3(27). С. 81–91 (0,75 п.л.).

7. Рвачева О.В., Сень Д.В. Всероссийская научно-практическая конференция «Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века» (Волгоград, 17–18 октября 2013 г.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. Ростов н/Д, № 2 (180). С. 113–115 (0,2/0,4 п.л.).

8. Рвачева О.В. Движение за возрождение казачества на Юге России в начале 1990-х гг.: организационные формы, идеи и участники процесса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 4. С. 124–135 (0,75 п.л.).

9. Рвачева О.В. Движение за возрождение казачества Калмыкии в конце XX – начале XXI вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2016. Т. 9. № 2 (24). С. 42–49 (0,7 п.л.).

10. Рвачева О.В. Социально-политические настроения донского казачества в первой половине 1920-х гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. международные отношения. 2017. Т. 22. № 1. С. 99–111 (0,75 п.л.).

11. Рвачева О.В. Военная служба донских казаков в территориально-милиционных частях в 1920-х гг. Фактор советизации казачества и форма проявления политической лояльности казаков // Клио. СПб., 2017. № 3 (123). С. 127–134 (0,6 п.л.).

12. Рвачева О.В. «До сих пор мы все-таки плохо знаем, чем дышит казачество...». Изучение настроений донского казачества партийно-советскими структурами в середине 1920-х годов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2018. № 1 (54). С. 15–23 (0,5 п.л.).

13. Рвачева О.В., Баранов А.В. Протестные настроения донского казачества и репрессивная политика власти конца 1920-х – 1930-х гг. // Новейшая история России. СПб., 2018. Т. 8. № 3. С. 613–624 (0,5/1,0 п.л.).

14. Рвачева О.В. Опыт возрождения казачества в социально-политической систем Российского государства в XX – начале XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 173–190 (1,0 п.л.).

15. Рвачева О.В., Лабрюни П.Г.Ф. Традиционные и современные формы казачьей культуры в конце XX – начале XXI века. Возрождение, трансформация и культурное конструирование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 5. С. 197–212 (0,65/1,0 п.л.).

16. Рвачева О.В. «Своя земля»: фактор территории в развитии донского казачества. Исторические, политические и социокультурные аспекты // Новое прошлое. Ростов н/Д, 2020. № 4. С. 130–143 (0,8 п.л.).

**В том числе,
статьи в рецензируемых научных изданиях, входящих
в международные реферативные базы данных и системы
цитирования (Scopus, Web of Science):**

1. Рвачева О.В. Движение за возрождение казачества на Юге России в начале 1990-х гг.: организационные формы, идеи и участники процесса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 4. С. 124–135 (0,75 п.л.).
2. Рвачева О.В. Социально-политические настроения донского казачества в первой половине 1920-х гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. международные отношения. 2017. Т. 22. № 1. С. 99–111 (0,75 п.л.).
3. Рвачева О.В., Баранов А.В. Протестные настроения донского казачества и репрессивная политика власти конца 1920-х – 1930-х гг. // Новейшая история России. СПб., 2018. Т. 8. № 3. С. 613–624 (0,5/1,0 п.л.).
4. Рвачева О.В. Опыт возрождения казачества в социально-политической систем Российского государства в XX – начале XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 173–190 (1,0 п.л.).
5. Рвачева О.В., Лабрюни П.Г.Ф. Традиционные и современные формы казачьей культуры в конце XX – начале XXI века. Возрождение, трансформация и культурное конструирование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 5. С. 197–212 (0,65/1,0 п.л.).

Монографии:

1. Рвачева О.В. Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг.: монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2017. 232 с. (14,5 п.л.).
2. Рвачева О.В. Возрождение казачества юга России в конце XX – начале XXI века: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. 390 с. (22,7 п.л.).
3. Рвачева О.В. Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг.: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2021. 243 с. (14,1 п.л.).
4. Рвачева О.В., Рыблова М.А. Казачество Юга России в начале XXI века // Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона / гл. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 320–335 (0,5/43,0 п.л.).
5. Рвачева О.В. Казачество в XXI в.: возрождение традиций или конструирование нового феномена? // Очерки истории и культуры казачества Юга России. Коллективная монография / под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2014. С. 382–404 (1,5/78,0 п.л.).

6. Рвачева О.В. Возродить память о казаках: политика памяти и коммеморативные практики казачьего возрождения на Юге России // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы. Институты. Нарративы. Коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. С. 309–321 (1,0/39,5 п.л.).

Иные публикации:

1. Рвачева О.В. Казачьи организации Волгоградской области в конце XX – начале XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1 (13). С. 43–50 (0,9 п.л.).

2. Рвачева О.В. Область Войска Донского как историческая территория и конструируемое понятие современности // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. 9–10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 246–248 (0,3 п.л.).

3. Рвачева О.В. Казачье образование в Войске Донском: история и современность // Сарепта: историко-этнографический вестник. Волгоград: ООО «Мирра», 2009. Вып. 4. С. 243–254 (1,0 п.л.).

4. Рвачева О.В., Тюменцев И.О. Казаки как военная сила российского государства: исторический экскурс и современные перспективы // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности. Материалы Всероссийской научной конференции (9–10 июня 2009 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 311–314 (0,1/0,2 п.л.).

5. Рвачева О.В. Современные формы хозяйствования казачьих обществ на Юге России // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов: Материалы Всероссийской научной конференции (21–22 сентября 2009 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 279–281 (0,3 п.л.).

6. Рвачева О.В., Рыблова М.А. Способы и образы самоидентификации донских казаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1 (15). С. 19–28 (0,35/0,7 п.л.).

7. Рвачева О.В. История и мифы казачьего возрождения // Cogito. Альманах истории идей. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2009. Вып. 4. С. 398–414 (0,75 п.л.).

8. Рвачева О.В. Власть и управление у донских казаков в XX веке: основные тенденции развития // Труды Южного научного центра Российской академии наук. Т. V: Социальные и гуманитарные науки. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 234–252 (0,8 п.л.).

9. Рвачева О.В., Рыблова М.А. Системы казачьего управления на территории Войска Донского: История и современное состояние // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 1 (17). С. 179–184 (0,3/0,6 п.л.).

10. Рвачева О.В. Казачество Юга России в конце XX – начале XXI в.: возрождение или конструирование социального феномена? // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы Всероссийской научной конференции (28–29 сентября 2010 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 307–310 (0,3 п.л.).

11. Рвачева О.В. Казачество Калмыкии в конце XX – начале XXI вв.: основные этапы и проблемы возрождения // Б.Б. Городовиков – видный военный государственный и общественно-политический деятель (к 100-летию со дня рождения): Материалы российской научно-практической конференции 12 ноября 2010 г. Элиста: Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, 2010. С. 62–65 (0,5 п.л.).

12. Рвачева О.В., Масалов А.Г. Казачьи общественные организации в военно-патриотическом воспитании молодежи // Юг России: Проблемы, прогнозы, решения. Сб. науч. статей. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 294–313 (0,5/1,0 п.л.).

13. Рвачева О.В. «Вовлечение казачества в активное советское строительство – основная задача партии»: к вопросу о политике большевиков в отношении донского казачества в 1920-х – 30-х гг. // Стрежень: научный ежегодник. Волгоград: Издатель, 2011. Вып. 9. С. 67–76 (0,8 п.л.).

14. Рвачева О.В. Казачество и неказачье население Волгоградской области в XX веке: проблемы взаимоотношений // Нижнее Поволжье – территория мира и согласия. Профилактика межэтнических конфликтов и ксенофобии в Волгоградском регионе: история и современность. Волгоград: Изд-во ВАГС, 2011. С. 74–88 (0,3 п.л.).

15. Рвачева О.В. Традиция военной службы казаков и возможности ее воссоздания на Юге России в конце XX – начале XXI вв. // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. материалы международной научной конференции (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 96–99 (0,6 п.л.).

16. Рвачева О.В. Территория как фактор казачьего возрождения на Юге России // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Материалы Всероссийской научной конференции (13–15 сент. 2011 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 70–74 (0,4 п.л.).

17. Рвачева О.В. Память как фактор развития казачьего возрождения на Юге России // Память и памятники: материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного Центра им. Вудро Вильсона 21 апр. 2011 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 123–144 (0,75 п.л.).

18. Рвачева О.В. Донское казачество и власть в 20–30-х гг. XX в. // Вопросы краеведения: материалы краеведческих чтений. Волгоград: Издатель, 2012. Вып. 13. С. 577–580 (0,4 п.л.).

19. Рвачева О.В. Военная служба казаков в XX в. История, перспективы сохранения и развития // А.М. Каледин: эпоха и личность: материалы Всероссийской научной конференции (г. Новочеркасск, 12 окт. 2011 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 124–131 (0,4 п.л.).

20. Рвачева О.В. Казачество Волгоградской области в советский и постсоветский период // 75 лет Волгоградской (Сталинградской) области: история и современность: по документам архивного фонда Волгоградской области: материалы международной научно-практической конференции, Волгоград, 29–30 ноября 2011 г. Волгоград: Принт, 2012. С. 403–407 (0,4 п.л.).

21. Рвачева О.В. Роль памяти в казачьем возрождении конца XX – начала XXI вв. // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции (окт. 2011 г.). Краснодар: Традиция, 2012. С. 83–89 (0,5 п.л.).

22. Рвачева О.В., Насонова Н.А. Казачество Сталинградской области накануне и в годы Великой Отечественной войны // Народы Юга России в отечественных войнах: материалы Международной научной конференции (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 284–290 (0,25/0,5 п.л.).

23. Рвачева О.В., Насонова Н.А. Источники Центра документации новейшей истории Волгоградской области о положении казачьего населения оккупированных районов Сталинградской области в 1942–1943 гг.: особенности информации // Сталинградская битва в судьбах народов: материалы Международной научно-практической конференции, 2013 г. Волгоград: Принт, 2013. С. 252–255 (0,2/0,4 п.л.).

24. Рвачева О.В. Протестные настроения казачества по материалам ОГПУ в конце 1920 – начале 1930-х гг. на территории верхнедонских округов // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 124–128 (0,2 п.л.).

25. Рвачева О.В. Специфика документов по истории казачества советского периода Архивного фонда Волгоградской области (по материалам ЦДНИВО, ГАВО, Архива УФСБ по Волгоградской области) // Источниковедческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века: всероссийская научно-практическая конференция (17–18 октября 2013 г., Волгоград). Волгоград: Волгоградский филиал РАНХиГС, 2013. С. 151–158 (0,5 п.л.).

26. Рвачева О.В. Политика советско-партийного руководства в отношении казачества на территории Царицынской губернии – Сталинградской области в середине 1920-х – начале 1940-х гг. // Тематический перечень документов по материалам ГКУ ВО «Государственный архив Волгоградской области», ГКУ ВО «Центр документации новейшей истории Волгоградской области», Архив Управления ФСБ по Волгоградской области / отв. ред.-сост. О.В. Рвачева, Н.А. Насонова, М.А. Рыблова, А.А. Давыдова. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2013. С. 4–29 (1,0 п.л.).

27. Рвачева О.В. Казачество в современных социокультурных и общественно-политических процессах Волгоградской области: проблемы возрождения и взаимодействия с другими народами // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2014. Вып. 17. № 13 (140). С. 98–101 (0,4 п.л.).

28. Рвачева О.В. Процессы восстановления российской государственности на казачьих территориях Юга России в период Гражданской войны // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. 2014. № 1. С. 85–92 (0,4 п.л.).

29. Рвачева О.В. История казачества верхнедонских округов в советский период по материалам фондов ГАВО. Специфика документационной базы // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты. Сборник статей 2-й международной электронной научной конференции. 2014. С. 244–249 (0,3 п.л.).

30. Рвачева О.В. Даты и события казачьей истории: что и как празднуют современные казаки // Историческая разметка пространства и времени. Материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 г. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2014. С. 168–177 (0,75 п.л.).

31. Рвачева О.В. Источники по истории казачества новейшего времени: проблемы выявления и анализа // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого). Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции). (г. Ростов-на-Дону 4–5 апреля 2014 г.). Ростов н/Д: ООО «Фонд науки и образования», 2014. С. 449–453 (0,6 п.л.).

32. Рвачева О.В. «Казачья история» Волгоградской области в контексте формирования имиджа Волгоградской области // Имидж в стратегии инновационного развития регионов России. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции 19–21 июня 2014 г. Волгоград: Изд-во РАНХиГС; Волгоградский филиал, 2014. С. 178–180 (0,3 п.л.).

33. Рвачева О.В. Казачество Юга России: перспективы этнического развития и приоритеты государственной политики // Модернизация полиэтнического макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 405–409 (0,4 п.л.).

34. Рвачева О.В. Идея патриотизма в казачьем возрождении: специфика формулировки и презентации // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2015. № 2 (155). С. 105–108 (0,4 п.л.).

35. Рвачева О.В., Иванов Г.Я. Казаки-старообрядцы Волгоградской области в конце XX – начале XXI вв. // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания 2015. № 7 (167). С. 35–37 (0,3/0,5 п.л.).

36. Рвачева О.В. Социальная память потомков казаков: репрезентация событий и образов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (100). С. 318–323 (0,5 п.л.).

37. Рвачева О.В. Система казачьего воспитания и образования в конце XX – начале XXI в. Тенденции развития на Юге России // Известия Волгоградского

государственного педагогического университета. 2015. № 8 (103). С. 188–196 (0,7 п.л.).

38. Рвачева О.В. Настроения населения казачьих районов Сталинградской области накануне и в годы Великой Отечественной войны // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Волгоград, 25–26 сентября 2015 г. В 2-х ч. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. Часть 1. С. 95–104 (0,4 п.л.).

39. Рвачева О.В. Эволюция политических настроений донских казаков в 1920-е гг. // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. 2016. № 4. С. 7–13 (0,5 п.л.).

40. Рвачева О.В. Трагические события XX века и коллективная память казачества: постановка проблемы // Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира. Симферополь: ООО «Издательство типография «АРИАЛ», 2016. С. 158–162 (0,5 п.л.).

41. Рвачева О.В. Влияние Гражданской войны на социально-политические процессы в среде донского казачества в 1920-х гг. // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество. Сборник статей международной научной конференции (г. Новороссийск, 12–15 сент. 2015 г.). Пенза: Пензен. гос. ун-т, 2016. С. 134–138 (0,3 п.л.).

42. Рвачева О.В. Анализ социально-политических настроений донского казачества в 1920–1940-х гг. Проблематика исследования // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы десятой Кубанско-Терской научно-практической конференции. Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2016. С. 91–93 (0,3 п.л.).

43. Рвачева О.В., Редькина О.Ю. Всемирные конгрессы казаков в контексте формирования пространства Русского мира // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. 2017. № 4. С. 19–24 (0,35/0,7 п.л.).

44. Рвачева О.В. Коллективизация и раскулачивание в донских казачьих хуторах: на материалах хутора Вертячего Сталинградского округа Нижне-Волжского края // Великая российская революция в судьбах народов Юга России. Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием), посвященной 100-летию революции 1917 года. Элиста: Изд-во Калм. науч. центра РАН, 2017. С. 190–197 (0,5 п.л.).

45. Рвачева О.В. Социально-политические настроения донского казачества на оккупированных территориях Сталинградской области в период Великой Отечественной войны // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (124). С. 199–207 (0,75 п.л.).

46. Rvacheva O.V. Investigative files as a historical source on social and political conflicts in the Don cossack villages in the 1930 s // Русский архив. Братислава, 2018. № 6 (1). С. 26–36 (1,0 п.л.).

47. Rvacheva O.V. The role of the print media in the formation of the soviet Cossacks image in the 1930 s // Russkaya starina. Братислава, 2018. № 9 (1). С. 88–99 (1,0 п.л.).

48. Рвачева О.В. Возрожденческие процессы в казачьих регионах Юга России: общее и особенное // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2018. С. 72–75 (0,4 п.л.).

49. Рвачева О.В. Казачьи организации России и Зарубежья как часть Русского мира // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Новороссийск, 28–30 октября 2018 г.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. С. 171–177 (0,5 п.л.).

50. Рвачева О.В. Казачество Сталинградской области в борьбе с фашистскими оккупантами: патриотические настроения и героизм казаков в период Великой Отечественной войны // К Великой Победе. Казачество в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник материалов научной конференции 27 янв. 2020 г. Москва: Политическая энциклопедия, 2020. С. 58–64 (0,4 п.л.).

51. Рвачева О.В. Раздел территории Области войска Донского в 1920-х гг. как часть национальной политики большевиков // Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию образования СССР (г. Краснодар, 8–10 октября 2021 г.). Краснодар: Изд-во Кубанский государственный университет, 2021. С. 118–121 (0,4 п.л.).

Рвачева Ольга Владимировна
ВОЗРОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА НА ЮГЕ РОССИИ В СОВЕТСКИЙ
ПЕРИОД (СЕРЕДИНА 1920-х – НАЧАЛО 1940-х ГГ.)
И В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1990-Е –2000-Е ГГ.):
ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Подписано в печать 22.09.2022 г. Формат 60 x 84 1/16.

Печать цифровая. Уч.-изд. л. 4,0. Тираж 100 экз. **Заказ №**

Издательско-полиграфический центр

Кубанского государственного университета

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.